

II.

Юные годы. Первый опыт сентиментального увлеченія и идеаль дружбы.

М. Н. Свѣчина и Андрей Тургеневъ.

Отрочество протекло нерадостно для чувствительнаго мальчика. Отца своего, Бунина, онъ видѣлъ, но не зналъ; отношенія къ нему М. Г. Буниной († 1811 г. 13 мая) были, повидимому, прекрасныя, но прекратились рано ¹⁾. Ек. Ае. Протасова, которую онъ звалъ „магушкой“, приходилась ему сводной сестрой, настоящая мать, крещеная турчанка Сальха († 1811 г. 25 мая), являлась въ семьѣ въ неопредѣленномъ положеніи полубарыни: ея письма къ сыну говорили о „благодѣтеляхъ“ ²⁾. Это его смущало. Его не отдѣляли отъ другихъ дѣтей, окружали тѣми-же попеченіями и лаской, онъ былъ какъ свой, но чувствовалъ, что не свой; онъ жаждалъ родственныхъ симпатій, семьи, любви, дружбы, и не находилъ; ему казалось, что не находилъ. Это страивало его печально.

Въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ и кружкахъ, стоявшихъ съ нимъ въ связи, доживало преданіе державинскаго псевдоклассицизма; оно коснулось и Жуковскаго. Увлеченные „рѣдкими, неподражаемыми красотоми“ оды „Богъ“, онъ и его товарищъ по пансіону Родзянка перевели ее на французскій языкъ и обратились къ ея „безсмертному творцу“ съ восторженнымъ письмомъ. Державин-

1) Сл. Русскій Архивъ 1883 г., I, стр. 208 слѣд.; *ibid.* 1902 г., май, стр. 128.

2) Русскій Архивъ 1883 г., I, стр. 213 слѣд. (письма матери 1799, 1801, 1806 и 1807 годовъ); сл. тамъ-же, 1902 г., май, стр. 129.

скимъ стилемъ отзываются кое-какія пансіонскія произведе-
нія юнаго поэта (Майское утро 1797 г., Могущество, слава
и благоденствіе Россіи 1799 г.); позже, когда сказалось вліяніе
Дмитріева и Карамзина, онъ могъ говорить, отчасти подъ влія-
ніемъ раздраженія, о сумбурѣ и безпорядкѣ тамъ, гдѣ прежде
встрѣчалъ однѣ красоты ¹⁾. Если Дмитріева, „пророска и вкуса, и
Парнаса“ ²⁾, онъ называлъ своимъ учителемъ въ поэзіи, то влія-
ніе ограничилось „механизмомъ стиха“, „жизвостью разсказа“ ³⁾;
учителемъ поэзіи и жизни сталъ для него Карамзинъ: до конца
дней онъ видѣлъ въ немъ идеаль прекрасной души, назы-
валъ его своимъ „евангелистомъ“ ⁴⁾, чья любовь ему „такъ-же
нужна, какъ счастье“ ⁵⁾. Онъ счастливъ уже тѣмъ, что знакомъ
съ нимъ, способенъ оцѣнить его; „это болѣе, нежели что-нибудь,
дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня
въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется
Карамзинимъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и
лучшаго“ ⁶⁾. Въ альбомѣ Е. Н. Карамзиной онъ записываетъ въ
1818 году:

*Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный.
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ.*

„Здѣсь все для души человѣческой, сказалъ незабвенный Ка-
рамзинъ“, повторить онъ на растояніи 40 лѣтъ (къ Нащокину
16/28 февр. 1847 г.). Передъ Карамзинимъ онъ „не способенъ
быть скрытнымъ“ ⁷⁾, онъ былъ ему „другомъ-отцомъ“, „большая
половина жизни прошла подъ свѣтлымъ вліяніемъ его присут-
ствія.... Воспоминаніе о немъ есть *религія*“ ⁸⁾.

1) Письмо къ Ал. Тургеневу 27 марта 1811 г.

2) Сл. посланія къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, III Préambule
1814 г.; письмо къ Дашкову 1817 г.; къ Измайлову 27 ноября 1827 г.

3) Сл. письмо И. И. Дмитріева къ Жуковскому 1823 г. 18 февраля.

4) Ал. Тургеневу изъ Дерпта, лѣтомъ 1815 г.

5) Къ нему-же изъ Дерпта 31 октября 1816 г.

6) Къ Дмитріеву 18 февр. 1816 г.

7) Къ Ал. Тургеневу 1817, 25 апрѣля, Дерптъ.

8) Ему-же изъ Эмса, въ послѣднихъ числахъ іюня 1826 г. Сл. письма
къ Е. А. Карамзиной, Эмсъ 1826 г. іюня (лучшее мое чувство, чистое и
высокое, какъ религіи, была моя къ нему привязанность), къ имп. Маріи
Федоровнѣ (14/26 іюня) и Александрѣ Федоровнѣ (15/27 іюня) изъ Эмса
1826 г. Сл. письма къ Измайлову ноября 27, къ Дмитріеву 23 авг. 1836 г.,
и посланія къ нему-же 1813 и 1832 г. („Святое имя Карамзинъ“).

Къ этой „религiи“ онъ былъ приготовленъ въ стѣнахъ Пансіона, куда проникали теченія чувствительности, поддержанныя мистицизмомъ Штурма, книга котораго обязательно читалась въ школѣ, и вліяніемъ масоновъ, старика Ив. Петр. Тургенева и Ив. Влад. Лопухина съ его ученіемъ о „внутренней церкви“. Все это дало форму, указало исходъ неудовлетворенной жаждѣ счастья. „Мысли при гробницѣ (1797 г.) написаны 14-лѣтнимъ мальчикомъ подѣ впечатлѣніемъ смерти Варвары Ае. Юшковой, его сестры по отцу и крестной матери, въ семьѣ которой прошла часть его дѣтства: серебристая, блѣдно мерцающая луна свѣтитъ, совершенно по-юнговски, надъ полуразвалившейся гробницею; на ней черепъ, эмблема смерти; результатъ—сладкое уныніе, задумчивость, томность. Вселенная представляется гробомъ, но смерть торжество, она — путь въ вѣчноблаженную страну. Стонъ „вѣщій совы“ прерываетъ размышленія, и растроганный авторъ возвращается въ „сельскую свою кущу“. То-же настроеніе въ статьѣ „Жизнь и источникъ“ (1798 г.): „флѣровая мантия меланхолиі“ покрыла его чувства. Въ „Майскомъ утрѣ“ того-же года онъ завидуетъ участи человѣка, который, „достигнувъ мирнаго блага, вѣчнымъ спитъ сномъ“. Въ 1800 году являются его „Мысли на кладбищѣ“; онъ усердно воспѣваетъ добродѣтель, изъ двухъ пьесъ подѣ этимъ заглавіемъ (1798 года) одна открывается картиной кладбища¹⁾. Настроеніе пьесъ „Къ Тибуллу“ (1800) и „Къ Человѣку“ (1801)—одно и то-же: „вся наша жизнь лишь только мигъ“, либо: „что жизнь твоя?—мгновенье!“ — но для мудраго и чистаго „могила къ вѣчной жизни путь“, „мы живы въ самомъ гробѣ будемъ“. Онъ переводитъ элегію Грея, вторичный пересказъ который (1802 г.: Сельское кладбище) ввелъ его въ литературу; настроенный меланхолично, не разобравшись въ слащавой слезливости кн. Шаликова, онъ съ удовольствіемъ прочелъ его „Путешествіе“. „Въ

1) Говоря объ одной изъ пьесъ, озаглавленныхъ „Добродѣтель“ („Подѣ звѣзднымъ небомъ тихой ночи“), Галаховъ указалъ на сходство ея третьей строфы съ строфой стихотворенія Кованько „Тлѣнность“, помещеннаго въ Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени 1795, ч. V. Жуковский: Кидая всюду страшный взоръ,—Сатурнъ несытый и свирѣпый... Парить и груди оставляетъ—Развалинъ слѣдомъ за собой; Кованько: Кровавый всюду взоръ вращая... Сатурнъ несытый и суровый... Парять передъ нимъ вездѣ туманы,—А по слѣдамъ развалинъ рядъ. См. Отеч. Записки 1852 г., т. LXXXV, отд. II, стр. 43.

немъ нѣтъ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній, пишетъ онъ по его поводу, нѣтъ свѣдѣній о населеніи, торговля того или другого города, за то авторъ позаботился объ удовольствіи читателя: вмѣстѣ съ путешественникомъ мы взойдемъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, вспомнимъ о прошедшемъ, унесшемъ, быть можетъ, наше счастье. Кого не трогаетъ *чувствительность*? Кто не предавался *меланхолии*? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взгляда на минувшее время юности? Но она скоротечна, быстро исчезаетъ волшебный міръ, созданный фантазіей, отъ него остаются развалины; въ будущемъ *смерть*, позади *воспоминанія*, *прелестныя и вѣсть*, *печальныя*“ (1803 г.).

„Очень хочется мнѣ видѣть твою рецензію на Шаликова, писалъ Жуковскому Андрей Ивановичъ Тургеневъ; и съ какой точки зрѣнія ты его разсматриваешь? На него нельзя писать критики, какъ то жаль его“ (изъ Петербурга 1803, 9 марта). „Ну ужъ, братъ, Путешествіе Шаликова! Я выходилъ изъ терпѣнія. Козловскій неистощимо насъ забавилъ описаніемъ самаго путешественника и всѣхъ писателей чувствительной Москвы, которые Шаликова почитаютъ за своего *doyen* и смотрятъ на него съ уваженіемъ. Твоя рецензія написана прекрасно, но на что-же ты ее такъ напечаталъ? На что хвалить то, что такъ вяло, такъ слабо, такъ ненатурально, такъ обыкновенно! Для читателей также недовольно, что ты читалъ его, и съ публикой цѣлой въ рецензіи книги, право, кажется, говорить такъ нельзя.... Впрочемъ, все это бездѣлка, но Шаликовъ вредъ непростительно. Право, этого спускать бы ему не должно“ (изъ Петербурга, того-же года).

1.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, такой-же сентименталистъ, какъ и Жуковскій, равьше его поставилъ поэзіи чувства то требованіе искренности, которое такъ отличало впоследствии поэзію его друга. Его вліяніе на молодого Жуковскаго несомнѣнно: Андрей Тургеневъ—это Жуковскій юношескаго дневника, только болѣе страстный, менѣе разсудочный. Онъ былъ

года на два (род. 10 окт. 1781 г.) его старше и въ 1799 году уже студентъ университета, когда Жуковскій сидѣлъ на школьной скамьѣ пансіона вмѣстѣ съ его братомъ Александромъ, а другой братъ, Николай, былъ въ младшемъ классѣ. Въ семьѣ ихъ отца, Ивана Петровича Тургенева, директора университета, Жуковскій нашелъ то, чего тщетно искалъ въ своей: симпатичную среду и встрѣчныя чувства. Новыя литературныя вѣянія коснулись его: у Тургеневыхъ господствовалъ вкусъ къ нѣмецкой литературѣ, братья Тургеневы слыли въ пансіонѣ „записными нѣмцами“¹⁾, а старикъ Тургеневъ открылъ юношѣ перспективу счастья во внутренней свободѣ, въ воспитаніи своей человѣчности. Съ его сыномъ Андреемъ Жуковскій связанъ былъ той идеальной, страстной дружбой, какую на западѣ воздѣлывали поэты чувства и чувствительности, у насъ Карамзинъ и Петровъ, Батюшковъ и Петинъ. Знакомство завязалось при посредствѣ Александра Тургенева; братъ былъ его идеаломъ, онъ „наслаждался“ имъ, записываетъ двадцатилѣтній юноша въ своемъ дневникѣ 9/21 ноября 1803 года, вспоминая пансіонскіе годы. „Дни и годы летѣли, мы жили вмѣстѣ, любили другъ друга, не говоря объ этомъ никогда другъ другу; были горькія и сладкія минуты, мы переносили ихъ. Связь моя съ пансіономъ доставила ему знакомство и дружбу съ Жуковскимъ, я этимъ радовался, былъ любимъ обоими, только никогда этого не стоилъ, и насъ связывало съ братомъ одно какое то неизъяснимое чувство братства. Потомъ случай познакомилъ и подружилъ меня съ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, а я его съ братомъ, и съ нимъ провели мы много пріятныхъ минутъ. Съ Мерзляковымъ познакомилъ меня братъ, открылъ мнѣ въ немъ друга и благодѣтеля, я любилъ его для него самаго и для того, что братъ его любилъ; онъ меня любилъ для того, что братъ былъ моимъ братомъ, и для того, что онъ постигнулъ, можетъ быть, между нами то братское чувство²⁾; наконецъ мо-

1) Жихаревъ, Записки Современника, I, стр. 234

2) См. письмо Мерзлякова къ Ал. Ив. Тургеневу и А. С. Кайсарову 17 сентября 1802 г.: „Николай и Сергѣй (младшіе братья Тургеневы) учатся у меня въ классѣ... Напишите къ нимъ писульку, Александръ Ивановичъ, въ которой должно быть сказано: чтобъ они были между собою дружище, чтобъ они любили другъ друга такъ же, какъ любятъ ихъ большіе братья“. См. М. И. Сухомлиновъ, А. С. Кайсаровъ и его литературныя друзья, стр. 29.

жетъ быть, онъ любилъ меня и для меня самого. Журавлевъ, къ которому я также вѣчно привязанъ буду, былъ первымъ университетскимъ другомъ брата моего. Сколько онъ сладостныхъ, дружескихъ вечеровъ провелъ вмѣстѣ, сколько горестей онъ раздѣлялъ съ братомъ и по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія представляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самого себя, чистосердечно укоряя себя въ холодности и дурномъ сердцѣ за то, что пересталъ писать къ Журавлеву. Боже мой! И кто больше брата любилъ его, какое сердце чувствовало больше цѣну любви и добродѣтели!“

Андрей Тургеневъ былъ предназначенъ стать центромъ дружескаго кружка, онъ всѣхъ заражалъ энтузіазмомъ идеалиста, спѣшившаго пещерпачъ, испытавъ на себѣ, кружковую программу чувствительности, ея утопію жизни въ тѣсной семьѣ друзей для воспитанія „человѣчности“, для любви и поэзіи. И онъ спѣшилъ, точно предчувствовалъ, что ему жить не долго, и вездѣ являлись недочеты. Онъ страстно любилъ литературу, поэзію, а досуга не было; по выходѣ изъ пансіона онъ пристроился къ Архиву Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его товарищемъ былъ Блудовъ; затѣмъ пришлось служить въ Петербургѣ (въ Коммисіи составленія законовъ) и въ Вѣнѣ при нашей миссіи ¹⁾, заниматься дѣломъ, далекимъ отъ его интересовъ, а друзья работали, да и свою литературную дѣятельность онъ всегда прислонялъ къ дружескому кружку. Но пріятели были далеко, дружба поддерживалась письмами, обобщалась, уходила въ анализъ, и любовь, чистая, мечтательная, дѣлалась какъ то на сторонѣ, чувство поддерживалось воображеніемъ и рефлексіей, удовлетворялось эгоистическимъ сознаніемъ, что любишь — и любимъ, пестощалось въ наслажденіи отреченіи, жертвы.

Все это, быть можетъ, и не было такъ серьезно по существу, какъ казалось, но переживалось серьезно и настраивало меланхолично. Въ началѣ могли сказываться литературныя вліянія, тѣ-же, что и у Жуковскаго: по дорогѣ въ деревню съ отцомъ

1) Въ (неизданномъ) письмѣ 7 ноября 1802 года Ал. Тургеневъ писалъ изъ Геттингена Жуковскому, что братъ устроился при вѣнской миссіи; о томъ же Андрей Тургеневъ Жуковскому 20 сентября/8 октября изъ Вѣны.

и матерью, сидя въ повозкѣ, Андрей Тургеневъ „вздумалъ, было, сочинить эпитафію“¹⁾, но „Элегія“, надъ которой онъ долго работалъ и которая появилась въ печати²⁾, несомнѣнно отразила не навѣянное только настроеніе. Она не уступаетъ порой „Сельскому кладбищу“ Жуковскаго:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаешь...

Образъ влечетъ за собой другіе: холодный вѣтеръ, ревущая рѣка, поблекшіе лѣса, туманы, сосны, задумчиво шумящія надъ гробами поселянъ. Все покоится сномъ:

Лишь колокольъ nocturnой одинъ вдали звучить,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой;
На камнѣ гробовомъ печальный тихій геній
Сидитъ въ молчаніи съ поникшей головой.

Александръ Тургеневъ, прочитавъ въ Гёттингенѣ братнину элегію и записавъ въ дневникѣ 5/17 марта 1803 года: „она мнѣ снова еще болѣе понравилась, такъ что я надписалъ надъ ней: Die Löwin bringt nur einen Jungen, aber das ist ein Löwe!“

Недовольство жизнью невольно лелѣетъ воспоминанія о быломъ счастьѣ и мысли о другомъ, несбыточномъ, которое манитъ насъ въ поэтическое „тамъ“ Жуковскаго. Для юноши былое счастье—это годы дѣтства. „Ты, братъ, ѣдешь въ деревню, писалъ Андрей Тургеневъ Жуковскому (изъ Петербурга); нѣтъ, еще больше, ты ѣдешь туда, гдѣ ты провелъ свое дѣтство! Счастливая завидная участь! Я не хочу и жить тогда, когда перестану то чувствовать къ этому мѣсту, что те-

1) Изъ письма къ Жуковскому.

2) Вѣстникъ Европы 1802 г. июль № 13, стр. 52 слѣд. „Прошлаго года это было самое горячее время для моей Элегіи, писалъ Андр. Тургеневъ Жуковскому 1 апрѣля 1802 г., но она теперь лежитъ спокойно“. А въ другомъ письмѣ того-же года: „Я кончилъ Элегію. Что если бы напечатать ее въ Вѣстникѣ? Но надобно сдѣлать такъ, чтобы Карамзинъ не сдѣлалъ этого для меня и потому, что будучи знакомъ, совѣстно было бы отказать, а чтобы онъ самъ захотѣлъ, а это, кажется, трудно и почти невозможно. Что ты думаешь?“

перь чувствую. И теперь иногда вечеромъ, сидя у окошка передъ березой, или ночью, вспоминаю я свое Савинское подворье, всё, всё подробности привожу на память и, какъ говоритъ Измайловъ, дышу малымъ человѣкомъ.... Die goldenen Maiejahre der Knabenzeit leben wieder auf in der Seele des Elenden“. То-же въ письмѣ 21 марта 1802 г. „Весна приходитъ, поздравляю тебя (Жуковскаго) съ ней!.. Воспоминай, братъ, чаще обо мнѣ, когда будешь чувствовать ея тихое, сладостное дыханіе“. Жаль, что они не вмѣстѣ: „весна особенно изъ всѣхъ временъ года напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни моей, и это время, какъ ты знаешь, дѣтство! Какія минуты, братъ, воспоминанія о немъ и о всѣхъ людяхъ, которые тогда любили, доставляли мнѣ дорогой“. Когда Жуковскій находился въ уныломъ и печальномъ настроеніи, Тургеневъ писалъ ему, ободряя: будь повеселѣе, „ты долженъ быть доволенъ состояніемъ своимъ, я сужу по твоему образу мыслей: есть укромный уголокъ, да Руссо въ рукахъ,—а у тебя все это есть,—чего тебѣ хочется? Наслажденій истинныхъ — ихъ нѣтъ здѣсь, а какія только могутъ быть на этой планетѣ, то дружба и поэзія тебѣ ихъ доставляютъ, а доброе твое сердце пользуется ими. Перестань, братъ, грустить! Правда, я и самъ, не имѣя никакихъ причинъ, жаловался на судьбу, часто грущу, и рѣдко, рѣдко лучъ истиннаго удовольствія освѣтитъ душу мою. Ахъ, нѣтъ! Я имѣю всѣ причины на нее жаловаться. Но что-жь дѣлать?

Забудемъ здѣсь искать блаженства
 Въ юдоли горести и слезъ,
 Тамъ, тамъ оно, среди небесъ,
 Въ жилищѣ блага, совершенства!
 Тамъ бѣдный труженикъ земной,
 Достигнувъ вѣчнаго покою,
 Узнаетъ, что есть Богъ благой,
 Но здѣсь, тягчимъ его рукою,
 Въ немъ видя грознаго судью,
 Напрасны слезы проливая,
 Какъ тѣнь отъ горя исчеза,
 Клянеть онъ только часть свою“. (13 февр. 1802 г.).

„Ты, кажется, не можешь не быть доволенъ своей участью,—пишетъ Тургеневъ въ другомъ письмѣ изъ Петербурга,—уеди-

неніе, зависимость, легкая должность (служба въ Соляной конторѣ), въ перспективѣ весна и деревня! Окруженъ Греємъ, Томсономъ, Шекспиромъ, Попе и Руссо! И въ сердцѣ—жаръ поэзіи! Ты вѣрно не имѣешь минутъ тягостной пустоты и скуки“.— А друзья его забыли,—пишетъ онъ изъ Вѣны 26 ноября/7 декабря 1802 г.,—на что имъ, въ самомъ дѣлѣ, терять время, чтобы вспомнить:

Ce peu d'instans, hélas, et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un desert, le temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine.

Письмо къ Жуковскому, также изъ Вѣны, наканунѣ 1803 г. который ему не суждено было пережить, кончается воспоминаніями. Въ началѣ стихи, обращенные къ другу:

Смиренной жизни путь цвѣтами устилая,
Живи, мой милый другъ, судьбу благословляя,
И ввѣкъ любимцемъ будь ея;
Блаженство вольности, любви, удиненья
И музъ святыя вдохновенья
Проникнуть сладостью всё бытіе твое;
А мнѣ судьба велитъ за счастіемъ гоняться,
Искать его, не находить.
Но я не буду съ нимъ считаться,
Коль будешь ты меня любить.

Самъ онъ пристрастился къ исторіи, жалѣеть, что слишкомъ много перечиталъ нѣмецкихъ драмъ и романовъ. „А помнишь-ли, когда ты, еще будучи въ пансіонѣ, украдкой переводилъ по четыре пьесы вдругъ и когда по воскресеньямъ приходилъ съ мною просиживать вечера?.. „Vous seriez bien volage sans les bienfaits du souvenir?“.

Томсонъ, Грей, Попе и Шекспиръ—ими не исчерпывается репертуаръ Тургенева; въ 1801—2-хъ годахъ онъ опередилъ Жуковского, его симпатіи шире. Это опредѣлило его вкусы. Мы видѣли, что онъ понялъ напускную чувствительность кн. Шаликова ¹⁾; въ одномъ письмѣ онъ шутить надъ кн. Сибир-

1) Интересно сличить отзывъ о кн. Шаликовѣ въ дневникѣ 18-лѣтняго Ал. Тургенева (подъ 5 апр./24 марта 1803 года). Изъ Тепельгаузена

скимъ, орошавшимъ „унылыми слезами“ страницы „такъ называемаго Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія времени“: Тургеневъ какъ-то раскланялся съ нимъ, а тотъ отвѣчалъ ему изъ окна комическимъ поклономъ — и показалъ языкъ; „видно онъ утѣшился!“ (22 авг. 1799 г.).—Интересенъ отзывъ о Карамзинѣ: прочтя его „шестую часть“, Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „много хорошаго, прекраснаго, но не тотъ Карамзинъ, который писалъ нѣкогда: Съ кроткою улыбкою упалъ бы я во всеобъемлющее лоно природы. Или тотъ-же?“ (1802 г. изъ Петербурга). „Стихи Карамзина къ Эмилиіи ¹⁾ вѣдь прекрасны! Но смотри-же, какъ въ немъ угасло пламя поэзіи. Онъ уже не написалъ бы теперь: Къ невѣрной и даже, думаю, Милости и Пѣсни къ Божеству. Что сталъ прозаическій слогъ его?.. Впрочемъ, это только en passant... Это ни что иное, какъ психологическое замѣчаніе“ (21 марта 1802 г.).— „Я не прочелъ еще Измайлова, приписываетъ онъ къ А. С. Кайсарову въ письмѣ къ Жуковскому (1802, весной, изъ Петербурга), но вѣдь у меня особый вкусъ: многое мнѣ нравится, однакожь многое и бѣситъ; никому только не совѣтую читать его послѣ Стерна; лучше прежде“. Если онъ признается, что въ литературныхъ спорахъ съ классикомъ Блудовымъ онъ „рѣдко былъ правъ“ (18 мая 1802 г.), то это, быть можетъ, уступка дружбѣ. Самъ онъ не классикъ, „любить страстно Гёте, Коцебу, Шиллера и Шпиза“, пишетъ о немъ въ 1800 году Каменевъ; „онъ много переводилъ изъ нихъ, особенно изъ Коцебу“, между прочимъ „Клеветниковъ“ ²⁾

(подъ Геттингеномъ) онъ пошелъ съ Сулимою ночью при полномъ свѣтѣ луны. „Сѣли мы у быстрого журчащаго ручейка и дали волю чувствамъ своимъ наслаждаться. Луна свѣтила прямо на него и посеребряла его; въ первый разъ еще я почувствовалъ, что такое обворожительное положеніе и въ самомъ дѣлѣ можетъ настроить душу пріятнымъ образомъ, но только человѣка съ живыми чувствами и безстрастнымъ сердцемъ. Когда я увидѣлъ этотъ ручей, то я оправдалъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ нашихъ стиходѣевъ, каковы Шаликовы и прочіе, которые даютъ разные эпитеты ручейкамъ своимъ. Но при всемъ томъ я все еще думаю, что они не сами любовались натурою, а только выписывали и списывали съ другихъ тѣ красоты, которыя врожденные поэты сами находили. Иначе любовь ихъ была бы пламеннѣе и журчаніе ручейковъ ихъ сильнѣе бы дѣйствовало на чувство читателя. Мы должны списывать съ оригинала, а не съ копій“.

1) Вѣстникъ Европы 1802 г. февраль, № 3 стр. 61 слѣд.

2) Въ 1798 г. въ цензуру была представлена: Клеветники, драма въ 5 дѣйствіяхъ съ нѣмецкаго переводилъ юнкеръ Андрей Тургеневъ.

и „Негровъ—Невольниковъ“¹⁾). Въ 1801—2 годахъ, вспоминалъ въ послѣдствіи Ал. Тургеневъ, „нѣсколько молодыхъ людей, большею частью университетскихъ воспитанниковъ, ... переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашній новѣйшій нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими... Кориѳеями сего общества были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ. Дружба послѣдняго съ Жуковскимъ не бесплодна была для юнаго генія“²⁾). Въ 1801-мъ году вышелъ „Мальчикъ у ручья“ (Die jüngsten Kinder meiner Laune Коцебу) въ переводѣ Жуковского съ эпиграфомъ изъ посланія Карамзина къ Димитріеву: „любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно себя подъ солнцемъ утѣшать“, и очень вѣроятно, что именно къ этому времени относится переводъ комедіи „Ложный стыдъ“ съ помѣткой на заглавномъ листѣ: „перевелъ съ нѣмецкаго губернской секретарь Василій Жуковский“³⁾). Жуковский не отсталъ еще отъ французскихъ образцовъ, а Тургеневъ пишетъ ему, что французы „деженерируются, даже теряютъ и остроту свою,

Остается неизвѣстнымъ его-ли переводъ былъ напечатанъ въ Москвѣ 1803 г. (Сопиковъ № 3373, Смирдинъ № 7514). Я обязанъ этимъ указаніемъ г. Рогожину. „Я ѣду въ театръ. Да! Клеветникъ пропущенъ, и такъ что бы я радъ Антонскому въ ноги поклониться“ (недатированное письмо Андр. Тургенева Жуковскому).

1) Бобровъ, Литература и Просвѣщеніе въ Россіи въ XIX-мъ вѣкѣ. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки, т. III: письма 26 и 27 сент. 1800 г., стр. 120, 122.

2) Современникъ 1837 г. т. V, стр. 304—5. Узнавъ въ Геттингенѣ о пріѣздѣ Коцебу, Ал. И. Тургеневъ хотѣлъ ему представиться, какъ переводчикъ его „Несчастныхъ“, но тотъ уже уѣхалъ. Сл. (неизданный) Дневникъ Ал. И. Тургенева 11/23 апрѣля 1803 года и его (неизданныя) письма къ Мерзлякову и Жуковскому 13/25 апрѣля того-же года. — Въ 1802—3 годахъ драмы и романы Коцебу были у насъ въ страшной модѣ; къ переводчикамъ принадлежали Каменевъ и Петръ Кайсаровъ (сл. Галаховъ, В. А. Жуковский. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности, Оч. Зап. 1853 г. т. 88, стр. 55 слѣд.); поставщикомъ Коцебу книгопродавцамъ и на сцену былъ въ 1800-хъ годахъ А. О. Малиновскій, тогда секретарь въ Архивѣ иностранной Коллегіи; переводили по большей части чиновники Архива (Сл. М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, изд. 2, стр. 50—1).

3) Рукопись комедіи недавно найдена проф. А. С. Архангельскимъ. Жуковский писалъ Ал. Тургеневу, что въ 1800-году онъ вступилъ въ Соляную контору „городскимъ“ (вѣроятно, губернскимъ) секретаремъ, а вышелъ изъ нея въ 1802 г. титулярнымъ совѣтникомъ.

вмѣсто того видна только пышность, надутость слога¹⁾. За то онъ въ восторгѣ отъ нѣмцевъ и англичанъ, хотѣлъ бы пересадить ихъ на русскую почву; дарить Каменеву „пѣснь г. Шиллера къ Радости“²⁾, бредитъ *Sabale und Liebe*, мечтаетъ перевести эту пьесу; побуждаетъ Жуковскаго и Мерзлякова къ переводу *Донъ-Карлоса*, Жуковскаго къ чтенію Маріи Стюартъ и Валленштейна. Жуковскій еще колебался въ симпатіяхъ, а Андрей Тургеневъ писалъ ему изъ Вѣны: „Die Aussendinge sind die Farbe des Geistes, говоритъ Шиллеръ, котораго я все еще называю моимъ Шиллеромъ, хотя и не съ такимъ смѣлымъ въ пользу его предубѣжденіемъ. Ты ужъ *слишкомъ нападаешь на нѣмцевъ*“ (7/19 Генв. 1803 г.). „Наконецъ мы рѣшились съ Мерзляковымъ переводить Вертера и сперва принимаемся за первую часть“, читаемъ въ одномъ изъ раннихъ писемъ (19 авг. 1799 г.), а въ другомъ: „мое состояніе очень походитъ на то, которое описано въ Вертерѣ, въ томъ письмѣ, которое ты (Жуковскій) переводилъ“ (22 Генв. 1802 г.); самому Тургеневу принадлежитъ переводъ „Письма къ другу“ (Пріятное и Полезное Препровожденіе времени“, XIX, 107). Жуковскому онъ посылаетъ свою надпись къ портрету Гёте; это четверостишіе, напоминающее такое же четверостишіе Жуковскаго (1819 г.), Тургеневъ написалъ на экземплярѣ Вертера, который онъ подарилъ другу. Текстъ одинъ и тотъ-же, съ отличіемъ отъ печатнаго въ 3-й строкѣ (чувствѣ вм. чувствахъ):

Свободнымъ геніемъ натуры вдохновенный,
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображалъ
И въ чувствѣ сердца лишь законы почерпалъ,
Законамъ никакимъ другимъ не покоренный. Т...

1) Сказано это по поводу Archenholz'a, *Annalen der brittischen Geschichte*: „Славно, bravo! Англичане, какой великій народъ! Какая воспламенятельная книга! Что французская вольность? Что Бонапарте? А про- рос: Какъ, братъ, умалется этотъ великій Бонапарте, котораго я любилъ, которому я удивлялся! Славны бубны за горами, или

Когда какой герой въ вѣнцѣ не развратился?

Англійскіе журналисты презабавные, прекоморы, а французы даже дженерируются и т. д. Я думаю, что Бонапарте очень интересуется Вѣстникомъ (Европы); право, журналъ хорошій, Tendenz его прекрасная. А вѣдь русскій и дерзаетъ имѣть свое собственное о вещахъ мнѣніе“ (9 марта 1802 г. изъ Петербурга).

2) Бобровъ, 1. с. стр. 123.

За стихами слѣдуетъ въ экземплярѣ приписка рукой Тургенева: „Ей Богу, ничего лучше вздумать не могу, какъ того, что я вѣчно хотѣлъ-бы быть твоимъ другомъ, чтобы дружба наша временемъ укрѣплялась, чтобы я былъ достоинъ носить имя друга и твоего друга“. Жуковский также оставилъ въ книгѣ свои слѣды, дважды зачертивъ силуэтъ дѣвочки, племянницы, М. А. Протасовой, игравшей такую роль въ его сердце и творчествѣ ¹⁾).

Всего интереснѣе отзывы Тургенева о Шекспирѣ. Карамзинъ хвалилъ его оффиціозно, Жуковский никогда его не осилилъ; у насъ его передѣлывали, какъ то было въ обычаѣ у французовъ; передѣлывали его Шиллеръ, Гёте и Фоссъ. Тургеневъ пришелъ въ отчаяніе, сравнивъ подлинникъ Макбета съ русскимъ переводомъ (письмо 1802 г., весной); переводъ Шиллера очищенный, но не ослабившій оригиналь. „Je suis tenté de le traduire. Славное бы дѣло было. Только надобно не премѣнно перевести иное въ стихахъ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ. — Ахъ, братъ, какая это трагедія! — пишетъ онъ Жуковскому, — сколько въ ней ужасу!“ Онъ любитъ сценой появленія тѣни Банко, монологомъ Макбета передъ убійствомъ, сценой лунатизма лэди Макбетъ; „чародѣйки также имѣютъ свое дѣйствіе“. Пусть Жуковский прочтетъ пьесу (30 Генв. 1802 г.). И Жуковский видимо прочелъ, обсудилъ и отписалъ; дѣло обошлось не безъ критики, слѣды которой сохранились въ слѣдующемъ письмѣ къ нему его друга (послѣ 1 апрѣля 1802 г.). Онъ извѣщалъ его, что черезъ недѣлю кончитъ переводъ Макбета и положить его „до исправки“. „А прогос о Макбетѣ: ты немножко неосновательно предлагаешь истребить вѣдьмъ, или, по моему, чародѣекъ. Шекспиръ писалъ, право, не такъ-то безъ основанія, какъ ты думаешь, и не для одной странности вывелъ ихъ на сцену. Развѣ ты не видишь, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, что онѣ, имѣя вліяніе на поступокъ Макбета (предположи, что тогда имъ вѣрили), даютъ ему больше побудительныхъ причинъ, больше вѣроятности, и

1) Экземпляръ Вертера, о которомъ говорится въ текстѣ, находится въ собраніи А. О. Онѣгина. Въ 1836 году Ал. Тургеневъ вписалъ въ гетевскій альбомъ „четыре стиха переводчика Вертера, покойнаго брата Андрея, на 16-лѣтнемъ возрастѣ имъ къ портрету Гете написанные“. Сл. Современникъ 1837 г. т. V, стр. 304.

дѣлаютъ его не столько ужаснымъ. Чѣмъ замѣнить это? Кто-то написалъ цѣлое разсужденіе о Макбетѣ, но я не читалъ еще его, но только видѣлъ въ книжной лавкѣ. *Оставьте, друзья мои, этого генія такъ, какъ онъ есть*, передѣлывать въ немъ, вставлять свое вмѣсто его, не легко, очень, очень нелегко. Чѣмъ больше вникаешь въ него, тѣмъ онъ становится *священныѣ*. Еще простительнѣе что-нибудь выпустить: можно, набравшись, какъ говорится, духа его, написать свое, призвавъ на помощь утонченность и правила, но когда дѣло идетъ о немъ самомъ, то пусть Шекспиръ останется Шекспиромъ. Но я знаю, что это разсужденіе будетъ *не по твоему вкусу*; но я не виноватъ, и чуть-ли еще не правъ⁴.

Еще въ 1821 году Жуковский остался при своемъ вкусѣ, но при чтеніи Тикомъ Макбета ему могли припомниться старые споры съ пріятелемъ: въ Макбетѣ ему понравились мѣста ужасныя: *сцена въдѣлъ*, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная.

Съ живостью литературныхъ интересовъ соединялась у Андрея Тургенева чисто юношеская страстность, съ которой онъ спѣшилъ осуществить ихъ, провести въ дѣло. Онъ переводитъ¹⁾, затѣваетъ переводы (Архенгольца, Монтескье, Оссіана и др.), побуждая другихъ къ сотрудничеству, къ изданіямъ, на-

1) Напечатаны были слѣдующіе его переводы: Библейская нравоучительная книжка, соч. г. Фердессена. М. 1795 (съ нѣмецкаго); Способъ читать, замѣчать и сочинять въ пользу молодыхъ людей, предложенный г. Мейнерсомъ, переводъ съ нѣмецкаго. М. 1798 (сл. Рогожинъ, Матеріалы для русск. библиографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія, т. I, стр. 72—3); Исторія вкуса въ изящныхъ искусствахъ (Полезное и Пріятное Препровожденіе времени XVII, 1798, стр. 40 слѣд.); Объясненіе, раздѣленіе и начало изящныхъ искусствъ (ibid. 1798, XIX, стр. 97 слѣд.: изъ Batteux); Что есть хорошій вкусъ? (ib. XIX стр. 103 слѣд.); Письмо къ другу (ib. XIX стр. 107 слѣд.: изъ Вертера); Совѣты молодой женщинѣ. М. 1799 (съ французскаго). Отрывки изъ записокъ Франклиновыхъ, перевелъ съ французскаго Москов. университета ученикъ Андрей Тургеневъ. Москва 1799 (Сопиковъ № 8015, Смирдинъ № 10417 съ буквами А. Т.). Послѣднимъ сообщеніемъ я обязанъ г. Рогожину. Въ письмѣ къ Жуковскому (не датированному) Андр. Тургеневъ писалъ: „Франклинову жизнь кончилъ, только все совсѣмъ не такъ, какъ должно быть . . . Еслибы не батюшка и не Иванъ Володиміровичъ (Лопухинъ) хотѣли этого, то право бы все бросилъ; мнѣ противно смотрѣть на жизнь этого человѣка, никогда съ нимъ не раздѣлаешься. Ой, Франклинъ, заѣлъ ты меня!“ — По указанію

вѣдывается у пріятелей о литературныхъ новинкахъ, о томъ, что они дѣлають, что комедія Блудова (письмо 20 сент./8 окт. 1802 г. изъ Вѣны), издается-ли журналъ Сумарокова (письмо 26 ноября/7 дек. 1802 г.)¹⁾; пишетъ стихи, и спрашивается у Жуковскаго („во всемъ я не могу найти лучшаго судьи“, письмо 31 дек. 1802 г.), какъ для Жуковскаго критика Блудова была законъ. Онъ обѣщаетъ прислать другу „поэзію“ Гольдсмита, если найдетъ ее въ Петербургѣ (весной 1802 г.), а въ письмѣ изъ Вѣны (26 ноября/7 дек. 1802 года) спрашиваетъ: „что дѣлаеть твой Deserted village?“ Разумѣется „Опустѣлая деревня“, переведенная Жуковскимъ изъ Гольдсмита. Хочется ему видѣть „Элегію“ Жуковскаго, „какова она теперь“ (письмо 31 декабря 1802 года изъ Вѣны), т. е. „Элегію“ Грея во вторичномъ переводѣ, и онъ благодарить друга за посвященіе (7/19 Генв. 1803 г. изъ Вѣны). Ему извѣстны были и другія юношескія произведенія пріятеля, не попавшія въ печать, если они не скрываются, подъ другими названіями, въ числѣ извѣстныхъ, написанныхъ до 1803 года. Въ одномъ письмѣ говорится о „стихахъ“, свидѣтельствующихъ о горестномъ настроеніи Жуковскаго, въ другомъ — объ „одѣ“, которой „первый куплетъ самый отчаянный“. Либо онъ спрашиваетъ его, не началъ-ли онъ „еще переводить какой-нибудь Списовой (пьесы) или и двухъ“ (въ Москвѣ, вѣроятно, 1801 г.); разумѣется Шписъ, давшій матеріалъ для „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“. Говорится еще о какой-то Progress of poetry: „что твой Progress of poetry? Отдалъ-ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать“ (письмо 21 марта 1802 г.). Не идетъ ли дѣло о Progress of Poesy Грея, котораго читалъ въ то время Жуковскій? ²⁾).

Вдали отъ своихъ юныхъ друзей, проникнутыхъ тѣми-же стремленіями, Тургеневу не по себѣ, онъ чувствуетъ, что сла-

г. Рогожина въ московскую цензуру представлена была „Ода на день моего рожденія, сочинена Андреемъ Тургеневымъ“, но билетъ не былъ выданъ.

1) Панкратія Платоновича Сумарокова, „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія“, 1802—4 гг.

2) Въ 1852 году кн. Вяземскій писалъ Плетневу (1 дек.—19 ноября): „Полторацкій писалъ мнѣ о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго, времени дѣтства его, имъ отысканныхъ въ печати и неизвѣстныхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ“. Очень вѣроятно, что и изъ стихотвореній Жуковскаго болѣе поздней поры не всѣ дошли до насъ. „Очень жаль, что ты не обо-

бѣтъ, у него нѣтъ критерія. „Въ моихъ литературныхъ вещахъ происходитъ какая-то революція: все теперь въ ферментаціи, и я не знаю, что хорошо и что дурно“, сообщаетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга (1802 г.); а въ другомъ письмѣ: „Когда я вообразилъ себѣ твой образъ жизни и свой, твои успѣхи въ литературѣ и мои неуспѣхи и даже забвеніе стараго, то мнѣ пришла охота почти заплакать“ (3 февр. 1802). Онъ слышалъ, что Жуковскій переводитъ „Элоизу“ (письмо, вѣроятно 1801 г., когда Тургеневъ и Жуковскій жили въ Москвѣ: Елиза) ¹⁾, самъ принялся за переводъ въ 1802 году, вернулся къ нему въ Вѣнѣ и проситъ Жуковскаго: „оставь ужъ мнѣ испытать надъ ней мои силы“ (31 дек. 1802/12 генв. 1803); „послѣ перваго письма твоего объ Элоизѣ я было задумался и началъ объ этомъ размышлять, но послѣ второго, гдѣ ты пишешь о новой поэмѣ (?), скажу тебѣ: братъ, оставь мнѣ Элоизу! Признаюсь тебѣ въ моей слабости, я ни къ чему иному не готовъ, о ней много думалъ, а теперь не такъ легко къ чему-нибудь другому приготовиться“ (1803 г. изъ Петербурга). Онъ пожертвовалъ своей привязанностью, „своею радостью“, остается отказаться отъ литературы. „Часто, очень часто убійственная для души моей мысль, что я имѣю къ ней (къ литературѣ) столько препятствій. Одинъ разъ отказаться, и все бы сдѣлано, но никакъ, никакъ не въ силахъ“ (4 февраля 1802 г.). Въ Вѣнѣ ему начинаетъ казаться, что онъ слабѣтъ въ русскомъ языкѣ. „Русскій языкъ теперь главная моя забота. О обстоятельства! Душа моя въ сіи минуты исполнена горести, я не радъ своему существованію. О какъ спокойно ничтожество и какъ иногда не желать его! Братъ! все прошедшее, давнее и недавнее, смѣшалось вмѣстѣ въ головѣ моей и живо мнѣ представилось. Тронутая душа моя стремится въ него; о какъ оно интересно со всѣми своими радостями и горестями, съ тѣмъ временемъ, съ тѣми днями, которые видѣли меня младенцемъ! Тихіе, блаженные дни, украсьте

брать Тургенева (Александра Ивановича), когда онъ былъ въ Москвѣ, — писалъ Гоголь Шевыреву 14 декабря 1844 года, — у него множество бумагъ того времени, весь протоколъ арзамасскихъ засѣданій и множество стиховъ Жуковскаго, написанныхъ въ тогдашнее время, о которыхъ никто, и даже самъ Жуковскій не знаетъ“.

1) Элоиза Руссо — или „Посланіе Элоизы къ Абельяру“ Попе, за переводъ котораго (неконченный) принялся впоследствии Жуковскій?

меня отъ настоящаго и отъ будущаго! Васъ нѣтъ, васъ и никогда не будетъ!“ (Вѣна, 31 дек./12 генв. 1802 г.).

Поэзія и дружба, — писалъ Тургеневъ Жуковскому; поэзія въ уединеніи съ друзьями — вотъ утопія западныхъ и нашихъ сентименталистовъ; въ одиночествѣ не воспитать гуманнаго чувства, сердце воздѣлывается въ взаимодействіи одинаково настроенныхъ людей. У Тургенева нашлись друзья среди товарищей по Собранію воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и по Дружескому Литературному Обществу; его корреспонденты — Жуковскій и Мерзляковъ, который былъ нѣсколько старше обохъ (род. въ 1778, † 1830 г.); далѣе стояли пансіонскіе товарищи Жуковскаго: Родзянка, Кайсаровы, Воейковъ, пріятель Мерзлякова, позже сыгравшій такую незавидную роль въ сердечной жизни Жуковскаго; изъ внѣпансіонскихъ друзей — Блудовъ, съ которымъ былъ близокъ и Жуковскій. „Дружеское Литературное Общество“, уставъ котораго 12 Января 1801 года подписанъ былъ Мерзляковымъ и Жуковскимъ, Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, Воейковымъ, Родзянкой и двумя Кайсаровыми, имѣло цѣлью „образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностью: да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины“; вторая задача „помогать бѣднымъ“. Отъ членовъ требовался „нравственный характеръ“; что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно, говорится въ уставѣ, „это то же, что до сихъ поръ составляло радость и счастье нашей молодости, это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого... Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалю въ рукѣ низлетающее божество — это дружество! Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу“!

Андрей Тургеневъ глубоко проникнуть святостью товарищеской дружбы, готовъ поддержать ее на всѣхъ путяхъ. „Я и можетъ быть, и еще нѣкоторые очень привязаны къ нашему Собранію (воспитанниковъ Моск. Унив. Благороднаго Пансіона), пишетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга, вѣроятно въ концѣ 1801 года. Вотъ предложеніе отъ меня всѣмъ членамъ: я бы желалъ, чтобы дни двухъ торжествъ нашихъ, 1-го и 7-го апрѣля (другого непомню), каждый изъ насъ ихъ праздновалъ, гдѣ бы онъ ни былъ“, чтобы они въ эти дни духомъ были вмѣстѣ, и если не всѣ сочлены, то „душевные друзья“ Собранія вспо-

нили о немъ, объ отсутствующихъ товарищахъ. „Ce sera le point de réunion de notre ressouvenir“. И онъ волнуется, когда позже до него дошли вѣсти, что нѣкоторые члены отступаются отъ Собранія, Кайсаровы „смѣются надъ рѣчью Мерзлякова“; а онъ думалъ, „что Собраніе намъ дорого хоть въ воспоминаніи!“. Онъ хотѣлъ бы быть совершенно одинъ, отъ всѣхъ отдѣлиться, общаться только съ Жуковскимъ (3 февр. 1802 г.). Съ нимъ онъ особенно, душевно дружилъ, и Жуковскій привязанъ къ нему такъ же нѣжно. „Говоря о своихъ связяхъ, я ни съ кѣмъ не равнялъ тебя, пишеть ему Тургеневъ. Мы рождены другъ для друга: Мерзлякова я люблю очень, больше, больше Родзянки, но это не то, что мы съ тобой. Сколько сходства въ нашихъ характерахъ! И это одно, что разлука разрываетъ обыкновенныя связи, а я со всякимъ днемъ живѣе чувствую, что мнѣ бы надобно быть съ тобою и что мнѣ недостаетъ“ (конца 1801 г.). Братъ (Александръ Ивановичъ) и Жуковскій одни—„повѣренныя души“ его. „Я пламенно люблю тебя, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, и любовь моя къ тебѣ возрастаетъ все болѣе и болѣе“; „твой вѣчный, вѣчный другъ“.

Пожить съ друзьями Андрею Тургеневу не удалось, но онъ дѣятельно переписывается съ ними, утверждая союзъ любви, который внушалъ уставъ Общества. Первое письмо Тургенева къ Жуковскому повторяетъ мысли устава: „въ дѣятельности будемъ искать себѣ веселія, счастья, будемъ, сколько можно, дѣлать добро, будемъ полезны, сколько можемъ, и въ тѣ тягостныя минуты холодности и угрюмой мизантропической нечувствительности, когда мы не видимъ въ добрѣ никакой прелести и неспособны ни къ какому доброму дѣлу, станемъ, по крайней мѣрѣ, вспоминать, что въ минуту радости и удовольствія, когда сердце наше гораздо справедливѣе, оно исполнено было добра и любви“ (19 авг. 1799 г.).

Разставаясь съ Жуковскимъ, Тургеневъ условился переписываться съ нимъ; написалъ первый, можетъ быть, и нескладно, „чувствую, что первый блинъ всегда комомъ, что первую пѣсенку зардѣвшись пѣть, но искренность и любовь, вотъ что должно быть нашимъ девизомъ“. Онъ будетъ писать набѣло, не сохраняя копій, „это знакъ, что ты долженъ сохранять мои письма, такъ какъ я буду сохранять твои. И онъ даетъ ему отчетъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ“, хотя жизнь бѣдна ихъ разнообразіемъ, „особливо теперь, когда всѣ мои помышленія

вертятся около одной мысли, такъ или почти такъ, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Фіеско“ (то-же письмо).

Письма становились исповѣдью передъ друзьями, вызывали ихъ на такую же. „Письмо твое есть предисловіе, слишкомъ сокращенное, къ цѣлой моей жизни, пишетъ Мерзляковъ Жуковскому, къ цѣлой твоей жизни, къ цѣлой нашей жизни, т. е. насъ троихъ (третій—Андрей Тургеневъ). Повѣрь, любезный, что я пишу, это все старое въ моемъ сердцѣ; о старомъ обыкновенно говорятъ и пишутъ мало; итакъ, скажу въ трехъ словахъ: я твой вѣрный, вѣчный другъ“¹⁾. Той-же цѣли душевнаго общенія служилъ журналъ, который велъ Андрей Тургеневъ: его вѣнскій журналъ въ видѣ писемъ предназначался Аннѣ Михайловнѣ Соковниной²⁾; 26 сент./8 окт. 1802 года онъ пишетъ Жуковскому изъ Вѣны: пусть накопится денегъ и пріѣдетъ къ нему года черезъ два, „и скажи, какъ бы намъ тогда писать журналъ“³⁾.

Въ пору сентиментализма дневникъ былъ въ модѣ; въ немъ собирался и объективировался матеріалъ самонаблюденія и самопознанія; на старости лѣтъ Жуковский признавался Плетневу, что его мысли приходятъ въ ясный порядокъ лишь тогда, когда перо у него въ рукахъ: „оно ловитъ ихъ на лету и приковываетъ къ бумагѣ; иначе онѣ и для меня самого остались бы мимопролетѣвшими тѣнями, никакого слѣда не оставившими за собою, феноменъ довольно замѣчательный: результатъ воспоминанія о прошедшей жизни“ (18 апрѣля 1851 г.). Такой дневникъ велъ, по рецепту Готшеда, Болотовъ, вели Жуковский, Тургеневы, Блудовъ. Принимаясь 17/29 окт. 1803 года за свой журналъ, прерванный смертью брата, Александръ Тургеневъ увѣренъ напередъ, что онъ не будетъ тѣмъ, что прежде: будутъ замѣтки изъ лекцій, кое какія мысли, воспоминанія о братѣ. Онъ цѣ-

1) Русск. Арх. 1871 № 2 стр. 0134—5.

2) Сл. письмо Жуковского къ Ал. Тургеневу конца Декабря 1807 или начала Января 1808 года.

3) Андрей Тургеневъ велъ его давно и не разъ говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ. Весною 1802 г. онъ сообщалъ Жуковскому о своемъ психологическомъ правилѣ: никогда не „переселяться въ будущее въ отношеніи къ любимѣйшимъ нашимъ предметамъ... Распространено будучи вставочными разсужденіями и примѣрами, оно уписалось въ журналъ моемъ не менѣе какъ на двухъ страницахъ“. Онъ намѣревался вести журналъ въ Вѣнѣ и по дорогѣ (письмо 30 января 1802 г.).

тируетъ его двустипіе „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“ и продолжаетъ: „Однакожь надобно изъ благодарности выписать то мѣсто изъ Philosoph für die Welt (Энгеля), которое напомнилъ мнѣ о моемъ журналѣ. Вотъ оно (Weihnachtsgeschenk): Ein wenig Athem oder ein Paar Federstriche die wir für unsere Gedanken aufwenden, so schwer uns auch manchmal beides vorkommen mag, werden vielleicht wieder durch die Deutlichkeit, die Ordnung und das Leben eingebracht, das eben diese Gedanken dadurch erhalten. Вотъ что добрый и умный отецъ вписалъ въ бѣлую книгу, которую онъ подарилъ на новый годъ своей дочери, желая, чтобы она отъ времени до времени вела журналъ свой и записывала бы въ немъ свои мысли, чувства, и старалась бы выразить на письмѣ то, что она читала въ авторѣ; такимъ образомъ, говоритъ онъ, онѣ для тебя поясняются и превращаются въ твою собственность, часто даже рождаютъ въ тебѣ самой другія и развиваютъ способность мыслить. Не то ли же самое совѣтовалъ мнѣ батюшка, не просилъ ли онъ меня вести журналъ во время своего вояжа, что я началъ приводить въ исполненіе не прежде, какъ уже поживя мѣсяца три въ Германіи, и о чемъ я теперь столько жалѣю и всегда жалѣть буду 1)? Сколько рождалось во мнѣ новыхъ собственныхъ идей въ вояжъ мой до Лейпцига и сюда (въ Гёттингенъ), которыя вмѣстѣ съ рожденіемъ и исчезали! Какое невозвратимое сокровище! Какая потеря въ суммѣ познанія самого себя! Не то ли же самое совѣтовалъ мнѣ и братъ мой, мой ангелъ хранитель, мой образецъ, которому я твердо рѣшился во всемъ послѣдовать? Онъ даже и писалъ мнѣ нѣсколько разъ объ этомъ“.

Письма и журналы вращались въ кругу друзей, передавалась изъ рукъ въ руки, стилизовались, цѣнились и какъ литературный продуктъ, списывались въ „бѣлыя книги“ — альбомы 2).

1) Изъ Мосьвы Ал. Тургеневъ выѣхалъ 21 іюля 1802 г., дневникъ начинается съ 20 дек.

2) 22 февраля / 6 марта 1803 г. Ал. Тургеневъ получилъ вѣнскій „журналъ“ брата: „какъ приятно проводилъ онъ время и какъ умѣлъ живо и интересно выразить все, что чувствовалъ, что видѣлъ! Какая откровенность, какая непринужденность, Unbefangenheit, въ мысляхъ, чувствахъ и выраженіяхъ! Журналъ его есть зеркало, въ которомъ видишь прекрасную, благородную душу, облагороженную красотою природы и поэзіи“ (изъ дневника).

Это была кружковая, эпистолярная литература, какъ въ эпоху возрожденія. Андрей Тургеневъ пишетъ вмѣстѣ Жуковскому и Мерзлякову, Блудовъ и Ал. Тургеневъ Жуковскому, Мерзляковъ Ал. Тургеневу и А. С. Кайсарову и т. п. Порой распечатывалъ письмо не тотъ, кому оно было адресовано, и Мерзляковъ извиняется передъ Жуковскимъ, что вскрылъ письмо Андрея Тургенева: „причиною тому то, что я отъ радости не посмотрѣлъ на послѣднія строки надписи; разорвалъ, какъ бѣшенный... Божусь, что не читалъ. Въ поруку моя совѣсть вѣрная“¹⁾. То-же въ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому: прочелъ письмо къ нему Авдотьи Николаевны Арбеновой, просить прощенія и спрашиваетъ, можно-ли и впередъ.— Въ письмахъ обсуждались чаянія и планы, даже личныя тревоги сердца; когда на сцену явилась „она“, другу сообщалась копія съ ея письма или съ отвѣта ей.

2.

„Сказать-ли вамъ, о чемъ я думалъ, ходя? писалъ Андрей Тургеневъ изъ деревни Жуковскому и Мерзлякову. Дѣлалъ планы для будущей жизни. Я бы хотѣлъ жить въ деревнѣ съ нѣкоторыми друзьями, которые, право, у меня есть истинные, и воображалъ себя въ положеніи, что будто я ѣзжу съ ними верхомъ, имѣя съ собою деньги, заѣзжаю или останавливаюсь у крестьянской избы и облегчаю участь бѣднаго мужика. Но можетъ-ли сельская картина быть совершенна безъ...? Я вообразилъ и ее, со всѣми прелестями, добродушіемъ, и вѣрностію, и любовію; но это можно лучше чувствовать, нежели описывать. Раздумайтесь объ этомъ, и вы почувствуете то-же, что я. Что, друзья мои, если мы, въ молодости разоидясь на всѣ четыре сторонюшки, наконецъ сошлись бы всѣ вмѣстѣ и если бы всякій изъ насъ могъ пѣть вмѣстѣ съ Шпллеромъ (An die Freude):

Wer ein holdes Weib errungen,
Mische seinen Jubel ein!

И тогда бы въ мирной тишинѣ начали бы мы трудиться, жить вмѣстѣ, зимою ѣздили бы въ городъ Москву для *Savale und Liebe* и проч.“ (вѣроятно, 1799—1800 г.).

1) Русск. Арх. 1871 г. № 2 стр. 0134.

„Она“ могла быть въ то время для Андрея Тургенева уже не утопией, хотя вообще въ любви юныхъ сентименталистовъ личное чувство какъ-то уходитъ въ отвлеченность. „Мой другъ, женщинамъ опредѣлено воспламенять насъ къ великимъ дѣламъ, къ труднѣйшимъ пожертвованіямъ и, можетъ быть, къ самымъ злодѣйствамъ“, говорится въ одномъ изъ раннихъ писемъ Андрея Тургенева къ Жуковскому (19 авг. 1799 г.) Женщины являлись объектомъ, на которомъ изощрялось чувство, любовь вступала въ права дружбы; такъ было въ теоріи. Любовь представлялась образовательной силой: женщину воспитывали, читали съ нею Руссо, давали читать Мендельсона „О безсмертіи души“; она настраивалась встрѣчно, гипнотизированная новыми откровеніями, и сама цитировала „шестую часть“ Карамзина. А воспитатели мѣли передъ своимъ же, отраженнымъ свѣтомъ.

Письма Андрея Тургенева знакомятъ насъ съ начальной исторіей его любви и первымъ, дотоѣ неизвѣстнымъ, увлеченіемъ Жуковского.

Въ 1805 году онъ задумалъ разсмотрѣть „свою прошедшую жизнь“, но ограничился программой, обнимающей девять параграфовъ. Три первые озаглавлены: Ребачество. Ученіе у Роде (Жуковскій учился въ Тулѣ въ пансіонѣ Роде. Въ этомъ параграфѣ онъ упоминаетъ и о смерти отца, Аванасія Ивановича Бунина, въ мартѣ 1791 года). *Марья Николаевна*. — Въ 8-мъ параграфѣ, идущемъ до 1802 года, написано, между прочимъ, слѣдующее: „Вступленіе въ пансіонъ.... Первый актъ (1779 года). Иванъ Володимировичъ (Лопухинъ), Тургеневы, Родзянка, Мерзляковъ. Пенсіонскій образъ жизни. *Марья Николаевна*. Собраніе (воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона)... Служба. Вступленіе въ Соляную контору (гдѣ Жуковскій служилъ съ 1800 г. по 1802 г.)¹⁾.

1) Сл. письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу конца генваря или начала феврала 1818 года. Вѣроятно, къ выходу Жуковскаго изъ Соляной конторы относятся слѣдующія письма. Весной 1802 года Андрей Тургеневъ писалъ ему изъ Петербурга: „Сейчасъ, братъ, я получилъ твое письмо объ арестѣ... Меня это возмутило. Что мнѣ сказать тебѣ? Я не радъ, очень не радъ этому, что ты будешь въ отставкѣ, но что-же было дѣлать на твоёмъ мѣстѣ? Если все еще можно поправить, то я бы этого очень желалъ, но если тутъ оскорбится чувство твое, если будетъ хоть тѣнь оскорбленія для твоей чести, то дѣлать нечего. Поговори съ бра-

„Мальчикъ у ручья“ (переводъ изъ Коцебу, Die jüngsten Kinder meiner Laune 1801 г.). Греева элегія (первый переводъ 1801 г.). Литературное собраніе. *Знакомство съ Соковниками*. — Параграфъ девятый, который долженъ былъ рассказать о событіяхъ 1802—5 годовъ, начинается указаніемъ на „вторичный переводъ Греевой элегіи (1802 г.).... Смерть Тургенева (Андрея † 1803 г.). Вадимъ (1803 г.).... *Свѣчинъ*.... *Свѣчина разводъ*“.

Мать Марьи Николаевны, Наталья Аванасьевна Бунина, вышла за Н. И. Вельяминова, служившаго въ Соляной конторѣ, куда поступилъ и Жуковский; Марья Николаевна, замужемъ Свѣчина, приходилась такимъ образомъ родной племянницей Жуковскому, по его отцу, Аванасію Ивановичу Бунину. На нея и ея сестру, Авдотью Николаевну, замужемъ Арбеневу, считывалъ впоследствии Жуковский въ надеждѣ, что онѣ помогутъ устроить его бракъ съ другой его племянницей, М. А. Протасовой, но посредницы измѣнили. Къ Арбеневой обращено его посланіе (1812 г.), другое, найденное въ его бумагахъ, къ ея сыну, Сашѣ Арбеневу (27 января 1814 г.)¹⁾.

томъ, а онъ съ батюшкой“. И въ другомъ письмѣ изъ того-же времени: „Что съ тобой дѣлается? Я очень обезпокоенъ тѣмъ, что арестъ твой (?) такъ долго продолжается. Но, братъ, зачѣмъ не хочешь ты быть въ службѣ? Если ты хочешь моего совѣта, то я бы служить совѣтовалъ: право, можно и служить и заниматься нашимъ предметомъ... Конечно, ты не долженъ былъ сносить отъ прокурора, но если представится другая служба,—ибо я слышу, что батюшка хочетъ найти,—если это можетъ быть репарировано удовлетворительно для тебя, то на что жить въ отставку? Можно даже искать службы, если сама не представится, потому что можно искать и благороднымъ образомъ... Не револютируйся тѣмъ, что я говорю тебѣ о службѣ“. — Какая-то недомолвка между друзьями, когда Жуковский еще служилъ въ Соляной конторѣ, вызвала слѣдующее стихотворное къ нему посланіе Тургенева:

„Тебѣ легко, мой другъ, предписывать законы,
Сердиться, губу дуть, ссылаясь на оны;
Приказывать легко, но трудно исполнять,
Сіе, кто служить, всякъ конечно долженъ знать,
Въ Архивѣ-ль служить кто, иль въ Соляной конторѣ,
Въ Сенатѣ, въ арміи, иль въ кораблѣ на морѣ.

... Приходи, пожалуйста ко мнѣ, на словахъ браниться гораздо лучше“.

1) Бумаги В. А. Жуковского, I. с., стр. 34—6, 41. Сл. письма Жуковского къ Арбеневой и Свѣчиной 1813 и 1814 года и отвѣтъ ему Арбеневой 1814 года въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., II, стр. 308 слѣд.

Встрѣтившись въ 1837 году въ Бѣлевѣ съ племянницей Сергѣя Михайловича Соковнина, О. В. Павловой, Жуковский пишетъ ему, напоминая о томъ времени (въ 1802 году), когда онъ бывалъ у нихъ на Пречистенкѣ¹⁾. Въ 1802 году, еще будучи въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, Соковнинъ напечаталъ, въ переводѣ съ французскаго, „Избранныя мысли Томаса и Болинброка и ученіе древнихъ философвъ о Богѣ“, съ посвященіемъ своей матери, Аннѣ Ѳедоровнѣ, на смерть которой написаны стихи Жуковского, „вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. Соковниной“ (1802 г.). Любитель литературы, Сергѣй Михайловичъ писалъ мало; нѣкоторыя его стихотворенія и переводы въ прозѣ появились въ „Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени, Иппокренѣ, Утренней Зарѣ“. Изъ семейнаго знакомства завязалась его дружба съ Жуковскимъ, а черезъ него и съ Ал. Тургеневымъ; во время своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1809 и 1810 годахъ Жуковский останавливался у него въ домѣ, въ 1809 г. онъ и Тургеневъ хлопотали о томъ, какъ бы пристроить общаго пріятеля. „Дружба и любовь тѣхъ людей, которые связаны были съ нашей семьей, для меня всего дороже, писалъ Соковнинъ Тургеневу, тѣмъ болѣе, что теперь только въ ихъ дружбѣ и любви могу возратить свои потери“. Онъ давно желалъ его дружбы; это не пустыя слова: „нѣтъ, я право, съ этой стороны похожъ на Василія Андреевича, право, сердце мое такъ же готово къ дружбѣ, такъ же можетъ наслаждаться ея наслажденіями, какъ его. Жаль, что вы знали меня не въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ начинаетъ себя чувствовать. Право, скажу вамъ, не льстя себѣ, что во мнѣ есть немножко того, чего такъ много въ васъ и Жуковскомъ. Можетъ быть, *mes épanchements* покажутся вамъ смѣлымъ, но я надѣюсь въ нихъ со временемъ оправдаться. Вы увидите, что я говорилъ правду, когда мы будемъ сидѣть втроемъ за доброй чашкой шоколаду и говорить о томъ, что уже прошло, что никогда не возвратится и однакожь все еще намъ пріятно и незабвенно“ (2 декабря 1809 г.)²⁾.

1) Соч. В. А. Жуковского, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 547 (20 іюня 1837 года).

2) Русская Старина 1901 г. Апрель, стр. 125 слѣд. и прим. Въ 1809 г. Жуковский ѣздилъ въ Петербургъ (сл. Русскій Арх. 1867 г., стр. 798, прим. 9 и письмо Ал. Тургеневу 10 февраля 1809 г.). Можетъ быть, къ этому времени относится неизданное письмо къ нему Ал. Тургенева: онъ

Чувствительность С. М. Соковнина развилась на почвѣ психической болѣзни, признаки которой обнаружилсь въ его странномъ увлеченіи княгиней В. Ө. Вяземской: въ 1816 году онъ написалъ ей письмо съ объясненіемъ въ любви, 17 апрѣля слѣдующаго года въ два часа дня бросился передъ нею на колени на Никитскомъ бульварѣ, прося прощенія, что оскорбилъ ее; онъ далъ клятву, что при всякой встрѣчѣ съ княгиней будетъ падать передъ нею на колѣни. Пріатели говорили тогда о проказахъ „блуждающаго жида“; его перевели на службу въ Өеодосію ¹⁾.

Въ письмахъ Андрея Тургенева его имя не встрѣчается, названъ его братъ Николай Михайловичъ и двѣ сестры Анна и Екатерина Михайловны. Къ первой (1784—1873), вышедшей впоследствии за В. Н. Павлова ²⁾, питалъ платоническія чувства юноша Александръ Ивановичъ Тургеневъ ³⁾. Ему не было 15-ти лѣтъ, когда 31 декабря 1798 года на пансіонскомъ актѣ онъ увидѣлъ Анну Михайловну; четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ихъ взоры встрѣтились и они узнали другъ друга, вспоминаетъ онъ въ ученомъ одиночествѣ Гёттингена; „ахъ, ничто и никогда не истребитъ изъ моей памяти сіи первыя минуты, сіе начало моего блаженства, ничто не потушитъ во мнѣ сей первой искры... и добродѣтели“ ⁴⁾. Вскорѣ послѣ того онъ былъ съ нею въ день ея ангела (3 февраля 1799 г.) у Лихачевыхъ. „Могъ-ли я тогда надѣяться или только вообразить, что со временемъ буду ѣздить къ нимъ въ домъ, буду л(юбим)ъ. Прошлаго года этотъ день провелъ я очень грустно въ Петербургѣ, ходя съ стѣсненнымъ сердцемъ по Невской набережной, досадовалъ, для чего меня

и Ал. Як. Булгаковъ ждутъ его, пусть возьметъ съ собою брата Сергѣя и Сережу Соковнина.

1) Сл. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, I, стр. 72, 73, 74, 75, 76, 79, 444—5, 451, 517. Сл. соч. Батюшкова, III, стр. 735—6. Въ 1825 году Жуковский писалъ о Соковнинѣ Сухотину, сл. его письмо къ Ал. Тургеневу 31 января 1825 г.

2) Сл. Письма В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 41, прим. 1.

3) Слѣдующія подробности взяты изъ его неизданнаго пока дневника, веденнаго имъ въ Гёттингенѣ, съ однимъ большимъ перерывомъ, съ 20 декабря 1802 г. / 2 января 1803 г. по 3 / 15 февраля 1804 года.

4) Дневникъ 31 декабря 1802 г. / 12 января 1803 года.

нѣтъ въ Москвѣ. Она не ожидала, что мы скоро увидимся, и очень была печальна, весь день проплакала. Прости, мой милый другъ, пишу о тебѣ рѣдко, но не проходило еще ни одного вечера, въ который я бы не думалъ о тебѣ; это одно можетъ размягчить меня и, досадуя на себя иногда цѣлый день, я послѣ мирюсь съ собою и засыпаю съ добрыми чувствами, съ новымъ расположеніемъ ко всему доброму. Что, еслибъ не увѣренность что я любимъ тобою, я бы, право, часто не находилъ въ себѣ внутренняго спокойствія и ропталъ на Провидѣніе, зачѣмъ не сотворенъ я съ лучшимъ характеромъ. Прости, единственный другъ мой, прости“¹⁾. Мысль о далекомъ другѣ поддерживааетъ его, ея совѣты удерживаютъ его „отъ многога“, и это наполняетъ его самодовольствомъ; графа 3/15 февраля (день ангела Анны Михайловны) наполнена въ дневникѣ двумя словами: „3-е февраля!“²⁾. — По смерти Андрея его отношенія къ Соковнинымъ вспомнились ему по связи съ братомъ и ему живо представилось, какъ онъ вошелъ въ ихъ домъ, „былъ принятъ отменно ласково, всегда ѣздилъ туда съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и для того-же самаго хотѣлъ, чтобы и братъ раздѣлялъ его. Въ первый разъ пріѣхали мы туда вмѣстѣ, когда еще никто не зналъ его, но скоро, скоро все перемѣнилось, и брата также узнали и полюбили. Мы и Жуковский и Костогоровъ³⁾ были тамъ часто, братъ и я такъ любили ѣздить туда, что мы наконецъ считали за пожертвованіе, когда одинъ другому уступить сегодня туда ѣхать одному въ случаѣ, если обоимъ невозможно. Слѣдующее время, обстоятельства слишкомъ свѣжи въ моей памяти, чтобы я могъ еще писать объ этомъ. Знаю только, что Соковнина связана съ братомъ еще больше, что мы еще больше узнали любовь нашу, цѣну нашего братства, узнали, что мы можемъ и умѣемъ сдѣлать другъ для друга величайшее пожертвованіе. Что другихъ могло разлучить, расторгнуть на вѣки друга отъ друга, то самое насъ тѣснѣе связало, приближало, и мы мечтали быть подобны Лопухинымъ. Желалъ бы я только, чтобы письма мои къ нему изъ Москвы и изъ Гёттингена сохранены были; они могутъ служить ему и мнѣ вѣрнымъ

1) Дневникъ 25 генваря / 6 февраля 1803 года.

2) Сл. Дневникъ подъ 2, 5 и 8 февраля ст. ст. 1803 г.

3) Товарищъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Пансіону.

панегирикомъ (я вѣдь пишу самъ себѣ); въ нихъ могутъ видѣть и понимать любовь братскую¹⁾.

Въ 1802—3 годахъ братьевъ не было въ Москвѣ: одинъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, другой въ Гёттингенѣ, а Жуковский бываетъ у Соковнинныхъ, играетъ у нихъ въ театрѣ, играетъ въ фанты и пишетъ экспромтъ къ глазамъ Анны Михайловны:

Твои глаза хвалить мнѣ должно,
Филлида, я готовъ хвалить,
Но какъ? Стихами невозможно,
А сердцемъ — сердце лишь молчитъ,
Его молчаніе яснѣе говоритъ.

Анна Михайловна отвѣчала:

Молчанье не бываетъ яснѣе языка,
Чѣмъ больше чувствуешь,
Тѣмъ больше говоришь,
И то, что нравится, о томъ не умолчишь.

Жуковский заключаетъ:

Оставимъ разуму искусство говорить,
Пусть сердце чувствуетъ, вздыхаетъ и молчитъ²⁾.

Анна Михайловна любила писать шутливыя стихотворенія, какъ любилъ писать ихъ и Жуковский, самъ валявшійся надъ ними со смѣха³⁾; не прочь была и посентиментальничать: она и сестра велѣли вырѣзать для А. П. Зонтагъ девизъ на печати: лампаду съ надписью: Не блескъ, а польза⁴⁾. Сохранилась юмористическая записка Жуковского къ Аннѣ Михайловнѣ изъ этой поры⁵⁾: „Покорно благодарю васъ за коврижку. Она не

1) Дневникъ 9/21 ноября 1803 года.

2) Отчетъ Имп. Публ. библіотеки за 1893 г. стр. 122. Эти стихотворныя шутки, какъ и слѣдующее (стр. 122—3) письмо Жуковского къ А. М. Соковниной слѣдуетъ отнести къ 1802—3-мъ, не къ 1803—4 годамъ. Смерть Андрея Тургенева (въ юль 1803 года) исключаетъ шутливый характеръ экспромптовъ и письма.

3) Сл. тамъ же стр. 135 письмо А. П. Зонтагъ къ А. М. Павловой 7 мая 1850 г.

4) Тамъ-же стр. 130—1: Зонтагъ къ Павловой 10 апрѣля 1849.

5) Тамъ-же стр. 122—3.

только прекрасна, но безподобна, несравненна, потому что отъ васъ! Я ѣлъ ее съ такой пріятностью, съ такимъ восхищеніемъ, что не увидалъ, какъ съѣлъ. Такъ все скоро проходитъ въ свѣтѣ; одно только не пройдетъ вѣчно, и то не въ свѣтѣ, а во мнѣ ¹⁾.... Катерина Михайловна въ своемъ письмѣ пишетъ ко мнѣ, что *хорошо радоваться любовью другихъ, естьмъ своего предмета нѣтъ, а я, хотя и имѣю предметъ милой, достойной любви, но не радоваться, а плакать долженъ. Пожалуйте обо мнѣ. Вы такъ жалостливы — и безжалостны.* Прочтите еще разъ для памяти пѣсню: *Филлида, я любимъ тобою, а послѣ нея Посланіе къ...*¹⁾. Эти двѣ пѣсы неразлучны! Но вы, я думаю, о нихъ и позабыли! Богъ вамъ судья!“

„Вы такъ жалостливы — и безжалостны,“ — это объясненіе въ любви, пока на степени флирта. „Объ Аннѣ Михайловнѣ бойся думать! писалъ Жуковскому Андрей Тургеневъ. Стыдись, братъ, и пожалѣй о насъ и о себѣ“ (письмо конпа 1801 г.); „будь доволенъ своимъ, читаемъ въ другомъ письмѣ, и не отнимай чужого. Ты хочешь владѣть и *тамъ и тамъ*, а у брата хочешь отнять то, отъ чего, право, онъ счастливъ. Не думай и раздѣлить этого, у него нѣтъ другого, а у тебя есть, можетъ быть, очень много“. Но ему жалъ и пріятели; „только смотри, чего ты лишаешься! смотри несчастный!... Но если только *ты* любишь, то нельзя быть спокойнымъ въ такомъ положеніи... Не усмиришь сердца. Или можно?“

Сентиментальная *amitié amoureuse* допускала „*тамъ и тамъ*“; Жуковский готовъ былъ увлечься въ Москвѣ Анной Михайловной, и въ то же время сентиментальничалъ съ Марьей Михайловной Свѣчиной, которой заинтересовался и которую видимо воспитывалъ по программѣ чувствительности, какъ позже М. А. Протасову. Теперь Свѣчина жила въ Петербургѣ съ мужемъ и сестрой Авдотьей Николаевной, тамъ же служилъ и Андрей Тургеневъ. Жуковский, оставшійся въ Москвѣ, рекомендовалъ его въ семьѣ, и Тургеневъ осматривается въ ней, знакомится съ отношеніями, входитъ въ интересы друга, бесѣдуетъ о немъ съ Марьей Николаевной, передаетъ письма, самъ увлекается чужимъ чувствомъ. Повидимому между супругами не было единенія душъ и міросозерцанія: это былъ *marriage de convenance*, изъ котораго Марья Николаевна рва-

1) Точки въ подлинникѣ.

лась. „Они должно быть счастливы dans l'intérieur, потому что веселы, пишетъ другу Тургеневъ; онъ все бранить Карамзина... но мужъ и она—два инструмента совсѣмъ на разныхъ тонахъ: онъ балалайка, можетъ быть, очень стройная и звонкая, она арфа. Я смотрѣлъ на нихъ вмѣстѣ и чувствовалъ, что не такъ бы должно быть, если бы въ этомъ мѣрѣ царствовала гармонія. Я знаю другой инструментъ, который могъ бы аккомпанировать, но... вздохнемъ оба отъ глубины сердца“. Марья Николаевна сказывала Тургеневу, что Жуковский написалъ ей очень важное письмо, въ которомъ велитъ ей читать Руссо; какъ бы хорошо было, еслибъ Жуковский поселился въ ея семьѣ! (конца 1801 г.).— Въ другой разъ бесѣдѣ Тургенева съ Марьей Николаевной мѣшалъ мужъ. Она собиралась куда-то ѣхать съ визитами, но по просьбѣ Тургенева осталась. „Я сказалъ, что ты переводишь Вольтера. Она: А онъ общалъ мнѣ, что никогда не будетъ любить Вольтера. Я: Онъ, повѣрьте, совсѣмъ его не любитъ, а Руссо его наставникъ“. Мужъ возставалъ противъ Руссо; наконецъ онъ куда-то вышелъ, и они остались вдвоемъ. „Она: Я никогда не думала, что Василій Андреевичъ могъ полюбить Вольтера. Я: Повѣрьте, что онъ его не любитъ и не можетъ любить по своему сердцу. Она: По его чувствамъ, по его расположенію души (съ нѣкоторымъ жаромъ и скоростью). Нѣсколько помолчавъ, она: Какой онъ милой! (съ чувствомъ и неизвѣясимой пріятностью). Я: Я не знаю человѣка съ такимъ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Она: Только какъ часто онъ бываетъ задумчивъ!“ (письмо начала 1802 г.). Марья Николаевна сказала ему какъ-то, а онъ сообщаетъ другу: „ей жаль, что ты все грустишь, и стихи такіе написалъ, изъ которыхъ видно унылое и горестное твое расположеніе духа“ (13 февр. 1802 г.). Либо онъ говоритъ ей, что Жуковский пишетъ оду, „и что первый куплетъ самый отчаянный. Что съ нимъ сдѣлалось? сказала Марья Николаевна, отчего въ немъ это расположеніе? Онъ прежде былъ не таковъ? Вспомнила о Греевой элегіи, которую называетъ прекрасной¹⁾. Я показываю,

1) Элегію Жуковскаго Марья Николаевна знала, очевидно, въ первой редакціи, тогда не напечатанной; „Сельское кладбище“, посвященное Андрею Тургеневу, явилось въ Вѣстникѣ Европы, декабрь 1802 года № 24. Андр. Тургеневъ благодарилъ за посвященіе въ письмѣ изъ Вѣны 7 генв. 1803 г. „Завтра напишу къ Жуковскому и поздравлю его съ тит-

будто не читалъ твоихъ писемъ къ ней, удивлялся, какъ ты не писалъ къ нимъ о вашихъ театрахъ, и сказалъ, что ты игралъ въ пенсіонѣ и у Соковниныхъ. Куда дѣлась его робость? говорить Авдотья Николаевна. Я увѣрилъ, что ты все такой-же мизантропъ“.—Въ лицѣ Марьи Николаевны, „право, было что-то небесное, говорится въ томъ-же письмѣ. Она была въ бѣломъ. Какая-то томность, при свѣчахъ, дѣлала ее плѣняющею. Но я смотрѣлъ на это, какъ бы смотрѣлъ—на что бы? напр., на луну, на звѣзды, на испещренный лугъ; и тѣнь желанія не прошла по моему сердцу?“ (декабря 1801 г.). Неужели Марья Николаевна не больно жить съ глупымъ мужемъ ради средствъ? спрашиваетъ себя Тургеневъ; „это не мѣшаетъ мнѣ ее очень любить; право, она премолая“, спросилъ своего сердца, пишетъ онъ другу (9 марта 1803 г.), ради котораго онъ старается „гармонизировать“ даже съ мужемъ (1 апр. 1802 г.).

Но ей въ самомъ дѣлѣ больно. „Посылаю тебѣ письмо отъ Марьи Николаевны, пишетъ онъ Жуковскому, я читалъ его, былъ очень тронутъ и читалъ въ такую минуту, что мнѣ и самому было очень грустно. Она чувствуетъ, видно, свое состояніе и не ослѣплена ни мало въ разсужденіи мужа. Ueberall betrogene Hoffnungen, überall zernichtete Plane, говоритъ Вертеръ. Какое ей, должно быть, видѣть передъ собою такую будущность навсегда, можетъ быть! Она, право, похожа на Франциску фонъ Штернахъ въ Донамарѣ¹⁾, и даже по этому письму. Помнишь, какъ та описываетъ въ письмѣ своемъ лѣта своего дѣтства, съ нимъ проведенныя? Кротость въ ней та же, и это кроткое чувство своей невинности и, вмѣстѣ, прощенія тѣмъ, кто ее гонитъ или кто причиною ея несчастія! Я не могу изъяснить, какъ это чувство для меня мило, какъ я люблю себя вообразить его; какъ я вмѣстѣ и печаленъ и какъ мнѣ однакожь и пріятно видѣть

ломъ любезнаго переводчика Греевой Элегіи“ (Дневникъ Ал. Тургенева 20 іюня / 2 іюля 1803 года.

1) Романъ Бутервека, Graf Donamar. Briefe geschrieben zur Zeit des siebenjährigen Krieges in Deutschland. Herausgegeben von E. R. T. O. V. H. E. W. R. Gottingen 1791—3, три тома. „Знаешь-ли, что Бутервекъ, который здѣсь читаетъ эстетическую лекцію, есть тотъ самый, который написалъ Донъ Амара, которымъ вы такъ нѣкогда восхищались?“ Приписка А. С. Кайсарова къ (неизданному) письму Ал. Тургенева къ Жуковскому 7 ноября 1802 г.; сл. (неизданное) письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 22 января 1803 г.

его въ Катеринѣ Михайловнѣ (Соковниной)! *Какъ она любитъ меня и совѣсть мнѣ предается*, когда я чувствую себя столько виновнымъ въ разсужденіи ея! Однакожь теперь нѣтъ! Я узналъ ее, *узналъ всю истину души ея* и узналъ навсегда. Какое чувство изображается въ ея письмахъ и какъ я мало достоинъ ея!“ И онъ снова зоветъ Жуковского въ Петербургъ, къ Свѣчинимъ: онъ усладить участь Авдотьи Николаевны; за ней увиваются какіе-то гвардейскіе офицеры, Жуковский побережетъ ее, „если ужъ не поздно — и если я не брежу... Si Sophie est tombée..., говоритъ Эмиль“. „Но и для одной Марьи Николаевны ты долженъ пріѣхать: она любитъ тебя, какъ брата, а ты любишь ее какъ бы то ни было; между вами самая невинная и святая связь. Sa vertu (ne court) pas l'ombre de danger et vous pouvez adoucir son sort pas votre (amitié?). Et vous ne viendrez pas? Кому здѣсь понимать ее? Ты долженъ пріѣхать и быть здѣсь“ (письмо 22 января 1802 г.). Ал. Тургеневъ зналъ объ этихъ отношеніяхъ Жуковского и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 13/25 января 1803 г.; „Сегодня Бутервекъ на лекціи описывалъ характеръ Петрарки и платоническую любовь его къ Лаурѣ. Какое разительное сходство съ характеромъ Жуковского! Кажется, что еслибъ мнѣ надобно было изобразить характеръ Жуковского, то бы я то же повторилъ, что Бутервекъ говорилъ о Петраркѣ. И Жуковский точно въ такомъ же отношеніи къ Свѣчиной), въ какомъ Петрарка былъ къ его Лаурѣ или къ M-me de Sade“.

„Еслибы исполнились всѣ тѣ желанія, qui se forment à ton compte, ты былъ бы не изъ послѣднихъ счастливицевъ, пишетъ Тургеневъ, очевидно, о Марьѣ Николаевнѣ. Читай чаще панегирикъ кн. Долгорукаго всеутѣшительному русскому слову авось — и ты вѣрно будешь покоенъ“ (1802 г. 6 февр., приписка въ письмѣ Ал. Ив. Тургенева). Онъ бесѣдуетъ съ ней о религіи, о моральныхъ матеріяхъ; и она говоритъ: „Боже мой, какъ для меня приятно говорить о религіи, какъ это утѣшительно для сердца!... Боже мой, какъ мнѣ жаль, что здѣсь нѣтъ Василя Андреевича, я такъ привыкла къ нему“. А Авдотья Николаевна, которую Тургеневъ оберегалъ отъ офицеровъ, каталась верхомъ въ ихъ обществѣ, играла Тургеневу на гармоникѣ „Выйду-ль я на рѣченку“, „Я по жердочкѣ шла“, „Вечоръ былъ я на почтовомъ на дворѣ“ — и подарила ему бумажку съ красивыми краешками, которую онъ посылаетъ брату: пусть

отправить Жуковскому въ деревню (письмо 1802 г.; объ Авдотѣ Николаевнѣ еще въ письмѣ 21 марта).

Когда лѣтъ двѣнадцать спустя Марья Николаевна вновь очутилась на пути Жуковского, ее было не узнать, но ея прошлое просвѣчиваетъ въ ласково-двуличной характеристикѣ, которую далъ ей тогда Воейковъ:

Нѣтъ, милая, не всѣ ты побѣдила страсти!
Согласенъ, надъ тобою любовь лишилась власти,
Прошло желаніе талантами блпстать,
Плѣнять и ослѣплять;
Но, бѣдныхъ, страждущихъ и спрыхъ къ утѣшенью,
Осталась страсть — къ благотворенью ¹⁾.

Екатерина Михайловна Соковнина, о которой упоминаетъ одно изъ приведенныхъ выше писемъ Андрея Тургенева, была предметомъ его юношескаго увлеченія. Два сентиментальныхъ романа разыгрывались параллельно, издали, въ буквальномъ смыслѣ—романы въ письмахъ. На этотъ разъ Тургеневъ въ Петербургѣ, Жуковский ведетъ его сердечное дѣло въ Москвѣ. Мы знаемъ, что Александръ Тургеневъ ввелъ брата въ домъ Соковниныхъ; когда написано было слѣдующее письмо Андрея къ Жуковскому, знакомства еще нѣтъ, но Андрей его желаетъ; мы увидимъ, по какому романтическому поводу. Анна Федоровна Соковнина потеряла мужа, и эта утрата поразила одну изъ ея дочерей. Ничто не могло ее утѣшить; когда семья переселилась въ другой домъ, дочь не могла въ немъ жить, не находя въ немъ *les traces de son père*. Она хотѣла уйти въ монастырь, наконецъ, однажды ночью вылѣзла изъ окна, ушла въ село Никольское (въ 12-ти верстахъ отъ Москвы) и поселилась въ домѣ одного знакомаго крестьянина, взявъ съ собою Руссо и Библию. „Представь себѣ, братъ, какая вѣбжная, глубокая любовь!... Я бы желалъ узнать ее лично. При всякомъ подобномъ случаѣ я досажую на себя; ты знаешь, за что. Признаюсь, всѣ бы будущія и прошедшія радости моей жизни отдалъ за ея чувства“. Онъ утѣшается тѣмъ, что задумалъ посвятить ей переводъ Вертера; но это надо держать въ тайнѣ. Вотъ и посвященіе: „Тебя, которая

1) „Къ М. Н. С—ой“. Село Муратово 1814 г. Напечатано въ Славяннѣ ч. XIII (1830 г.), стр. 140.

навсегда отказалась отъ радостей міра, чтобы проливать слезы о незабвенномъ родителѣ, которая, получивши отъ неба сердце, умѣла любить нѣжно, познала всю сладость сего драгоценнѣйшаго дара небесъ и, наконецъ, посвятила его вѣчной горести до блаженнаго соединенія съ тѣмъ, для кого оно билось,—тебѣ посвящаю это изображеніе пламенной, злополучной страсти! Ты меня не знаешь, но если чтеніе этой книги займетъ на нѣсколько минутъ твое вниманіе, если она усладитъ скорбь твою, то знай, что я щедро награжденъ тобою. Съ дыханіемъ благодатной весны да прольется кроткое умиленіе въ твоемъ сердцѣ; ороси сладкими слезами первый цвѣтокъ весенній и принеси его въ даръ памяти незабвеннаго друга. Да оживится въ растроганной душѣ твоей мысль о той вѣчной, неувыдаемой веснѣ, которая возсіяетъ для тебя нѣкогда въ другомъ счастливѣйшемъ мірѣ и возвратитъ тебѣ его на вѣки“ (письмо 1799—1800 г.).

Дѣло идетъ, по видимому, объ Екатеринѣ Михайловнѣ Соковниной, которой полны письма Андрея Тургенева. Онъ познакомился съ нею, вошелъ въ семью, увлекся, а она его любила; у нея къ нему „страсть“, сентиментальная, кротко отдающаяся, покорно выжидающая, что пошлетъ судьба, лишь бы ее любили; она также напоминаетъ намъ Франциску фонъ Штернахъ. Андрей Тургеневъ объяснился съ ней, сдѣлалъ какіе-то шаги, и это его нравственно связало. А между тѣмъ ему пришлось ѣхать въ Петербургъ, отношенія поддерживались письмами; на этотъ разъ передатчикомъ и посредникомъ былъ Жуковский.— „Что-то, братъ, мнѣ готовится? писалъ онъ ему; я увѣренъ, что ты примешь участіе, раздѣлишь со мною судьбу мою“ (18 мая 1802 г.). Лишь бы письма не попали въ руки брата Екатерины Михайловны: „постарайся объ этомъ съ братомъ (Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ); скажи хоть въ шуткахъ, отдавая: смотрите-жъ, никому не показывайте“ (декабрь 1801 г.). Между тѣмъ батюшка довыдывается у него, нѣтъ-ли у него какой страстишки (18 мая 1802 г.), подозрѣваетъ его въ „шапняхъ сентиментальныхъ“ (письмо того-же года), а въ Петербургъ дошли нелѣпыя слухи, будто онъ въ связи съ Екатериной Михайловной, и онъ тревожится: надо предупредить дальнѣйшія бѣды, лучше писать порѣже. „Я пишу къ ней, я не перемѣню своего намѣренія, что ни будетъ“ (3 февр. 1802 г.). Екатерина Михайловна также писала ему; и онъ посылаетъ копію съ ея письма Жуковскому, съ просьбою не показывать

его никому, кромѣ брата (Александра Ивановича). „Письмо ваше, отъ 24-го Ноября, у меня, говоритъ Екатерина Михайловна, Жуковский описалъ вамъ мой разговоръ, мои мысли, но вы знаете, что все здѣсь невѣрно, какъ всѣ наши предпріятія разрушаются, даже тѣ, которыя уже приходятъ къ концу; а мы съ вами теперь такъ далеко другъ отъ друга, такъ надолго! Я такъ мало отъ себя завишу, окружена людьми разныхъ предразсудковъ. Какая-же послѣ всего этого надежда? Конечно, мы можемъ мечтать, но не основываясь на мечтахъ своихъ. Я знаю вамъ цѣну, повѣрьте этому, и знаю также, что я ни съ кѣмъ такъ счастлива быть не могла, какъ съ вами. Но къ чему намъ знаніе? Судьба строитъ все по своему. Испытавъ такъ много непостоянства ея, я уже вѣрнаго ничего не полагаю. Будьте веселы, спокойны, счастливы. На что быть для меня несчастливомъ? Мы будемъ стараться сдѣлать другъ друга счастливыми и пользоваться жизнью. Но ежели судьба насъ опредѣлила на другое, то мы заранѣе къ тому приготовимся. Меня никакая ея жестокость не удивитъ. Вы правду сказали, что мы имѣемъ мало радостныхъ минутъ въ жизни. Опытность сушитъ сердце; а я такъ много испытала! Васъ еще другая эпоха ожидаетъ, какъ говоритъ Карамзинъ въ VI-й части. Слава! Стремитесь за ней, и она васъ утѣшитъ въ неудачѣ первой. А мнѣ остается attendre et puis mourir. Но не огорчайтесь обо мнѣ. Надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ, и я еще мечтаю“ (въ письмѣ къ Жуковскому декабря 1801 г.).

Письма Тургенева говорятъ, какія сердечныя тревоги онъ переживалъ: „Все меня обвиняетъ“, жалуется онъ другу (30 января 1802 г.); тронуть словами Екатерины Михайловны, которыя привелъ въ своемъ письмѣ Жуковский: „что она рада всѣмъ угождать и пр., бывъ увѣрена въ любви моей“ (3 февр. 1802 г.). „Прилагаю при семъ письмоцо къ Екатеринѣ Михайловнѣ. Отдай, братъ, самъ; vous y verrez, si elle vous le montre, combien mon âme est agitée! Ah, mon cher ami!“ Да пусть Екатерина Михайловна сыграетъ прилагаемый маршъ на тему: „два человѣка разсуждаютъ о горестяхъ жизни“¹⁾. По-

1) Это письмо датируется указаніемъ на трауръ по поводу „кончины родителя нашей императрицы“. Отецъ Елизаветы Алексѣевны, сынъ великаго герцога Баденскаго, Карла Фридриха, скончался 15 декабря 1801 года, разбитый лошадыми въ Стокгольмѣ.

нятно увлеченіе Тургенева такими сюжетами, какъ Элоиза (и Абеляръ?) или Геро и Леандръ: „Слышали ли вы о валдайской Геро и Леандрѣ? Влюбленный монахъ всякую ночь переплывалъ черезъ озеро; свѣчка угасла, онъ погибъ. Ковл(овскій?) прекрасно это опишетъ. Начало прекрасно, прекрасно“ (письмо 1802 г.). Понятны и вопросы: „что дѣлаетъ Катерина Михайловна? Когда воображаю ее, ея горести!“! Что она дѣлаетъ, „что она говорить съ тобой?“.—21 марта 1802 года Тургеневъ спрашиваетъ Жуковского (изъ Петербурга): „Что, братъ, она? Se croit elle heureuse? Est-elle contente? и здорова-ли?—„Я здѣсь живу такъ счастливо, какъ можетъ мнѣ позволить внутреннее расположеніе моего духа и сердца и то понятіе, которое я составилъ себѣ о счастіи. Обстоятельствъ внѣшнихъ нельзя лучше желать, но если внутренняя гармонія не отвѣчаетъ наружной, если инструментъ, сколь ни хорошо настроенъ, то играть имъ не умѣютъ?“... (къ Жуковскому 7/19 января 1803 г. изъ Вѣны). Еще собираясь въ Вѣну, онъ велитъ Жуковскому сказать Мерзлякову, что получилъ его критику на „Радость“, и какъ бы порадовался; самъ онъ сталъ теперь покойнѣе, „но вообще, братъ, не радость теперь чувство души моеѣ, радость состоитъ въ мечтательности, а мнѣ кажется теперь мечтать не о чемъ, но за то другого рода радость та, что я жертвую своею радостью. Жертвую! Если бы я имѣлъ истинную чувствительность и доброту, могъ-ли бы я сказать это? Но за что-же мнѣ обвинять себя, когда я сотворенъ такъ? Ахъ! развѣ бы я не могъ преодолѣвать себя? Вотъ сколько вопросовъ, сомнѣній, противорѣчій!.. Какъ будто какой-нибудь герой, говорю тебѣ о пожертвованіяхъ! Съ такимъ малодушіемъ всякій долженъ бы этому смѣяться; но ты не будешь“.

Письма изъ-за границы къ „извѣстнымъ особамъ (сестрамъ Соковнинымъ) передаются, по прежнему, черезъ пріятелей 1). „Что Соковнины? спрашиваетъ Тургеневъ изъ Вѣны 20 сентября/2 октября 1802 г., веселы или печальны?... Какъ, братъ, все-пойдетъ и чѣмъ все кончится? Ты знаешь, о чемъ я говорю. Скажи мнѣ твои мысли, твои догадки. Я теряюсь въ тысячи возможностей, въ тысячи препятствій, теряю надежду, бодрость и силу духа! Какъ я далеко зашелъ отъ одного неосторожнаго

1) См. письма Мерзлякова къ Жуковскому 13 октября 1802 г., Русск. Арх. 1871, № 2, стр. 0136.

шагу! Но мое обѣщаніе тебѣ и мнѣ самому свято, всегда свято для меня останется, въ этомъ не сомнѣвайся“.

Женщины, которыми увлекались Андрей Тургеневъ и Жуковский, Свѣчина и Соковнина, Протасова и Воейкова принадлежатъ къ одному опредѣленному типу; онѣ какія-то страдательныя, ихъ радость, какъ для Тургенева, въ „мечтательности“, онѣ — сильфиды или ундины, какъ выразился о Воейковой современникъ, онѣ легко поддаются и формуются, когда къ нимъ подойдетъ какойнибудь „Владиміръ Ленскій“, съ душою прямо гёттингенскою“, въ которомъ ни шумъ веселій, ни науки, не измѣнили души, „согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ“, а чувство изощрено подходящими чтеніями. Андрей Тургеневъ — это Ленскій *avant la lettre*:

Онъ вѣрилъ, что *душа родная*
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы..
 Что есть *избранные судьбами*
Людей священные друзья,
 Что ихъ бессмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда-нибудь насъ озарить
 И міръ блаженствомъ одарить.

Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
 Подъ небомъ *Шиллера и Гёте*;
Ихъ поэтическимъ огнемъ,
Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда възвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть вѣжной простоты.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И тѣнь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ *разлуку и печаль*,
 И нѣчто, и туманну даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины
 Лились его живыя слезы;
 Онъ пѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осемнадцать лѣтъ.

(Евг. Онѣгинъ гл. 2. VIII—X).

3.

Андрей Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 8 іюля 1803 года послѣ кратковременной болѣзни, вызванной простудой и неосторожностью ¹⁾; ему не было 22-хъ лѣтъ. Жуковскій скорбѣть, что не былъ при кончинѣ друга: „можетъ быть, темное, отдаленное воспоминаніе о тѣхъ, которые остались плакать о немъ въ этомъ мірѣ, приходило оживлять его въ нѣкоторыя минуты, свободныя отъ физическаго страданія. Можетъ быть, онъ желалъ насъ видѣть и воображалъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, потерявъ его! Но кого не утѣшитъ Иванъ Владимировичъ! ²⁾ Онъ, конечно, облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ усладилъ его надежды на безсмертіе, на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мірѣ“ ³⁾. „Андрей Ивановичъ помнилъ насъ безъ сомнѣнія въ послѣднія минуты, писалъ Жуковскому Мерзляковъ (24 авг. 1803 г.). Ахъ, онъ умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ

1) „Распотѣвши поѣлъ мороженаго“ (Дневникъ Ал. Тургенева 22 генв./3 февр. 1804 года).

2) Лопухинъ.

3) Къ Ив. Петр. Тургеневу, 11 авг. 1803 года. Въ числѣ неизданныхъ писемъ Ал. Тургенева одно написано въ отвѣтъ на утѣшенія Жуковскаго и друзей.

болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дня все совершилось... горячка съ пятнами окончила жизнь такого человѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ“¹⁾. „Гнѣвное небо долго для насъ не прояснится, но мы найдемъ утѣшеніе въ самихъ себѣ. Конечно, мы для Андрея Ивановича ничего не сдѣлали, но погрузимся въ свои чувства, спросимъ у своей совѣсти, развѣ мы его недостойны? Развѣ не любили его? Развѣ забудемъ когда-нибудь? Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ, онъ живъ въ нашемъ соединеніи, которое разорвется только тогда, когда Небо захочетъ соединить всѣхъ насъ троихъ“²⁾.

Его кончина ощутилась въ кружкѣ, какъ невознаградимая утрата: такъ много возлагали на него надеждъ. Карамзинъ интересуется имъ, ведетъ съ нимъ бесѣду по поводу переписки Юнга съ Фонтенелемъ, которую Тургеневъ собирался переводить³⁾; благосклонно встрѣтилъ его Элегію, признавъ за авторомъ вкусъ и чутье къ поэтическому слогу; со временемъ онъ будетъ, конечно, оригинальнѣе „въ мысляхъ и оборотахъ, со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдетъ способъ говорить *по своему*“⁴⁾. Это бываетъ дѣйствіемъ таланта, возрастающаго съ лѣтами“. Отмѣтивъ нѣкоторые мелкіе недочеты (въ приемахъ),

1) Русск. Арх. 1871 г. № 2, стр. 0141—2.

2) Тамъ-же, стр. 0146 (осенью 1803 года)

3) Письма Каменева 10 окт. 1800 г. у Боброва I. с. т. 3, стр. 129 — 30 „Наше изданіе меня прельщаетъ, во что бы ни стало я въ немъ участникъ. Мои письма Юнга и Ф(онтенеля) будутъ напечатаны“ (къ Жуковскому, вѣроятно, 1801 г.).

4) Говорить не — покарамзински? Карамзинъ былъ противъ карамзинистовъ. „Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, говорилъ онъ Каменеву, сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держатся оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Пзмайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ. Но ему простительно, онъ по русски не читалъ ничего, кромѣ „Моихъ бездѣлокъ“ (письмо Каменева отъ ноября 1800 г. у Боброва, I. с. т. 3, стр. 148; разумѣется Путешествіе Вл. Измайлова въ полуденную Россію въ письмахъ. М. 1802 г.).—Ал. Тургеневъ читалъ въ Геттингенѣ Вѣстникъ Европы, которымъ снабжалъ его Шлецеръ, и ему пріятно было встрѣчать образованный слогъ у многихъ своихъ соотечественниковъ: „пусть бѣольшая часть изъ нихъ пишетъ худо, пусть они будутъ самыми рабскими карамзинистами, все это будетъ имѣть свою пользу“. Инте-

Карамзинъ совѣтовалъ и въ бездѣлицахъ исполнять условія, хотя бы за тѣмъ „чтобы несчастные стихотворцы не привязывались къ счастливымъ“. — Характеризуя Тургенева и Блудова, когда оба они служили въ Архивѣ, Вигель записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾: „Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всей скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутии всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ; какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ“, еслибъ не умеръ рано; кромѣ него, брата Александра и Блудова, „едва-ли кто зналъ изъ моихъ товарищей“, что есть уже русская словесность, а они жили въ одномъ городѣ съ Карамзинымъ и Дмитриевымъ!

Вѣсть о смерти Андрея Тургенева лишь поздно дошла до компаніи русскихъ студентовъ, занимавшихся тогда въ Гёттингенѣ; между ними были Ал. Ив. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ. Отсюда они писали Жуковскому и Мерзлякову: отчего бы и имъ не пріѣхать, послушали бы Шлепера, Гейне, Бутервека²⁾, Ал. Тургеневъ, которому въ Геттингенѣ стукнуло 19 и 20 лѣтъ,

ресно сличить эту замѣтку дневника 30 мая / 11 июня 1803 года съ другой подъ 31 іюля / 12 авг. того-же года, результатъ бесѣды съ Шлеперомъ; „отдавая всю справедливость величественному, сильному слогу Ломоносова, не можетъ онъ (Шлеперъ) не признаться, что и Карамзина слсгъ въ своемъ родѣ долженъ былъ сдѣлать эпоху въ Россіи“. Правда, говорить онъ, что для русскихъ Ломоносовъ долженъ быть сроднѣе, „но за то и легкость и очищенность Карамзина отъ славянизма (который, однако, всежъ долженъ служить основаніемъ истинно русскому слогу) имѣютъ свою цѣну (въ выносѣ замѣтка: Если взять въ разсужденіе мнѣніе Лихтенберга о языкѣ, то врядъ-ли оно будетъ выгоднымъ для почтеннаго преобразователя русскаго слова: *Die Sprache gehort der Nation und mit dieser darf man nicht umspringen wie man will.* Слѣдовательно языкъ долженъ быть принаровленъ къ національному характеру. Пусть легкость останется у французскаго, нѣжность у итальянскаго, а сила и важность должны принадлежать русскому). Разница видна, критиковалъ съ усмѣшкой Шлеперъ, и въ числѣ точекъ и тире, попадающихся на страницахъ сихъ двухъ авторовъ. У одного врядъ-ли на цѣлую страницу увидишь болѣе трехъ періодовъ, а слѣдовательно трехъ точекъ, у второго десять и болѣе, не считая тире и восклицательныхъ знаковъ“.

1) Ч. I, стр. 175, 177.

2) Неизданное письмо Ал. Тургенева 7 ноября 1802 года, съ припискою Кайсарова.

былъ въ чадѣ нѣмецкой науки, слушалъ Шлёцера и Бутервека, Эйхгорна и Буле, ходилъ на лекціи любимой имъ ботаники и—медицины, интересовался краниологіей. Онъ набирается знаній, европейскихъ идей, хочетъ быть ихъ насадителемъ на родинѣ; въ нашей литературѣ его радуешь „свобода духа, несжимаемая ценсурою. Всѣмъ позволено рассуждать хотя бы то было и о тайной канцеляріи, никто не боится не хвалить, когда надобно, Государя, но всякій охотно ищетъ къ тому удобнаго случая, и, кажется, что писателямъ нашимъ пріятно повторять имя Александра“¹⁾. Вернувшись въ Россію онъ хочетъ „напечатать нѣсколько книжекъ“, которыя могли бы „послужить къ распространенію въ Россіи политическихъ, совершенно новыхъ идей, которыя не могли родиться при прежнихъ правленіяхъ“²⁾. Другая мечта: описать свое путешествіе въ письмахъ, чтобы показать „тѣ благодѣтельныя для меня дѣйствія на всю жизнь мою отъ здѣшняго ученія“³⁾; письма изъ Гёттингена, Парижа, Лондона, Вѣны, которыя онъ собирался издать, и все это посвятить „одному другу“, еслибы можно — съ девизомъ „бѣлой розы“, значеніе котораго было бы понятно лишь другу и ему⁴⁾. Онъ полонъ русскаго самосознанія, народной гордости: Шлёцеръ говорилъ на лекціи о Петрѣ Великомъ, который сорвалъ завѣсу, отдѣлявшую сѣверъ отъ южной Европы, и о послѣдовавшемъ за тѣмъ времени, когда при Елисаветѣ скромнымъ музамъ угрожало изгнаніе изъ Россіи. „Теперь, напротивъ, продолжалъ Шлёцеръ, какая дѣятельность въ Государѣ разсаждать науки, какое рвеніе въ дворянахъ соотвѣтствовать его благодѣтельнымъ намѣреніямъ! Смотрите, вскричалъ Шлёцеръ, указавъ на усаженную русскими лавку: вотъ тому доказательство!“⁵⁾ Въ другой разъ онъ упомянулъ на лекціи о предкѣ Тургенева, само-

1) Дневникъ 30 мая / 11 іюня 1803 года.

2) Ibid. 27 мая / 8 іюня 1803.

3) Ibid. 11 / 23 іюня 1803 г.

4) Ibid. 16 / 28 іюня. Въ Вѣстникѣ Европы іюнь 1803 г. № 12, стр. 302 слѣд. напечатано „Письмо изъ Геттингена отъ 23 мая 1803 года“: описывается поѣздка Ал. Тургенева въ Кассель, которую онъ изобразилъ въ своемъ дневникѣ 2 / 14 мая 1803 г. Соотвѣтственный № Вѣстника онъ получилъ отъ Шлецера (Дневникъ подъ 19 / 7 авг. 1803 г.). Ал. Тургеневу принадлежитъ, вѣроятно, и „Путешествіе русскаго на Брокенъ въ 1803 году“ (Вѣстникъ Европы 1803 г. ноябрь, № 22 стр. 77 слѣд.; подписано: А. Т.).

5) Ibid. 19 іюня / 1 іюля 1803 г.

вольно пострадавшемъ изъ любви къ своему отечеству: „Петръ Тургеневъ, вскричалъ Шлёцеръ, былъ жертвою пламенной, истинной любви своей къ отечеству“. „Думалъ ли сей патріотъ, записываетъ Ал. Тургеневъ, что нѣкогда исторія будетъ говорить о немъ, думалъ-ли онъ, что потомокъ его въ иностранной землѣ будетъ имѣть ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе слышать публично съ кафедръ о дѣлахъ своего предка!

Такъ древній Кодръ умиралъ,
Такъ Леониды погибали,
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.

Гдѣ лира? Смѣло начинаю,
Я подвигъ предка пѣть хочу“ 1).

Шлёцеръ приголубилъ юношу, приохотилъ его къ русской исторіи, научилъ почитать источники, Urkunden, приготовилъ въ немъ будущаго ихъ собирателя 2).

1) Ibid. 27 февраля / 11 марта. Въ письмѣ Ал. И. Тургенева къ П. А. Осиповой 10 февр. 1837 года онъ объясняетъ ей подпись („Безъ боязни обличаху“) подъ своимъ портретомъ, который ей посылаетъ. „Безъ боязни обличаху — текстъ изъ лѣтописца Троицкаго Сергіевскаго монастыря Авраамія Палицина, который, описывая патріотически-смѣлый поступокъ предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои изобличали самозванца въ самозванствѣ и за то побіены имъ каменіемъ на Красной площади, говоритъ о сихъ двухъ герояхъ искренности и любви къ отечеству: Безъ боязни обличаху. Это приняли мы девизомъ нашимъ“.

2) Онъ готовится собрать бібліотеку для русской исторіи, особливо новой, разыщетъ въ Московскомъ Архивѣ „условіе, которое поднесли бояре Михаилу Феодоровичу при возложеніи на него бремя (sic) правленія. Оно можетъ рѣшить вопросъ, къ какому образу правленія отнести русское: къ неограниченной ли монархіи или къ ограниченной, назначено ли тамъ родъ совѣта или сената, съ которымъ государь раздѣлить долженъ законодательную власть, или нѣтъ; и надобно ли почитать неограниченное правленіе русскихъ государей, какъ похищеніе непринадлежащей имъ власти, или и въ самомъ дѣлѣ и условіе сіе даетъ право Государю на неограниченное правленіе. Послѣднее сомнительно; иначе для чего бы по сию пору не публиковать сей интересной и важной древности? Ibid. 28 мая / 9 іюня 1803. Ст. 31 іюля / 12 авг.: взялъ у Шлецера уговоръ, сдѣланный Вас. Ив. Шуйскимъ съ русскими боярами, думаетъ издать его вмѣстѣ съ уговоромъ бояръ съ Михаиломъ Феодоровичемъ, если ему удастся „выманить его изъ заклеповъ Московскаго Архива, изъ рукъ бдительныхъ его аргузовъ“.

Между тѣмъ порой, особенно въ первое время, онъ сучалъ по родинѣ, по деревнѣ. „Симбирскъ, Симбирскъ! Горы твои и величественная Волга не изгладятся изъ моей памяти. Братъ, братъ!

Скоро-ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, веселый взглядъ?
Скоро-ль мы друзей обнимемъ“¹⁾.

Читая Грееву Элегію онъ вспомнилъ „деревенскую свою ограду, на которой стоитъ простой деревянный домикъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ покоится прахъ предковъ нашихъ; когда приѣду въ деревню, то первое мое движеніе будетъ посѣтить это мѣсто. Можетъ быть, и невольная слеза выпадетъ и меланхолія освятитъ ее. Тамъ надпишу я: Beneath those rugged elms that yew-trees shade.... No more shall rouse them from their lowly bed?“²⁾. Гуляя вечеромъ, вспомнилъ „свое Тургенево, кароводы. О, когда я буду опять тамъ, когда въ кругу милыхъ добродушныхъ крестьянокъ забуду спекулятивную философію, когда оживлю въ своей памяти дѣтскія свои игры на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, кои были ихъ свидѣтелями?“³⁾. „Смотрю въ окошко на высокую гору, гдѣ одно деревцо уединенно стояло; вспоминая прошедшее, какъ сонъ, представилась мнѣ деревенская жизнь наша. Все пройдетъ, думалъ я, и о теперешней жизни останется у меня такое-же слабое воспоминаніе. Утро дней моихъ сольется съ полднемъ моимъ; все пройдетъ, твердилъ я, и

Mit Blumen, die ich heute pflücke
Wird morgen man vielleicht mein Grab bestreuen“⁴⁾.

1) Ibid. 29 декабря 1802 / 10 генваря, 1803 г. Стихи взяты изъ Дмитріева, Стансы къ Н. М. Карамзину (1793 г.):

Скоро-ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братскій хоръ?

2) Ibid. 22 февраля / 6 марта 1803 г.

3) Ibid. 17 / 29 іюня 1803 г.

4) Ibid. 14 / 26 февраля 1803. Ал. Тургеневъ любилъ цитировать нѣмецкіе стихи; подъ 15 / 27 февраля 1803 г. онъ приводитъ стихи изъ Шиллера Валленштейна, не пропущенные тогдашней нѣмецкой цензурой:

Его тянетъ къ своимъ: тамъ отецъ и мать, его „бѣлая роза“, друзья; пѣсня „къ Нинѣ“ Жуковскаго, которую онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ, напомнила ему блаженное время ¹⁾. Когда-то онъ свидится съ друзьями? И теперь они рѣдко пишутъ, а тамъ настанетъ для него кочующая жизнь, на письма еще меньше надежды. „Приѣду въ Москву, они уѣдутъ, а я опять какъ ракъ на мели; они возвратятся, я при должности. Чувство живой дружбы притупляется. Что насъ будетъ связывать, что возобновить наши прежнія связи? Всякій изъ насъ узнаетъ покороче свѣтъ и людей — хаосъ; но нѣтъ: это же еще должно и поддержать наше дружество, это и утвердить его; мы узнаемъ людей, ihre Pffiffigkeit, и тѣмъ съ бѣльшимъ жаромъ, или нѣтъ, тѣмъ съ бѣльшимъ разсудкомъ полюбимъ другъ друга, удостоивъ въ нашей взаимной привязанности — слѣдствіе товарищества, благодѣтельное слѣдствіе нашей молодости. По крайней мѣрѣ я Мерзлякова и Жуковскаго никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мнѣ къ нимъ то, что я теперь чувствую“. Дай Богъ, чтобы въ нихъ не перемѣнилось это чувство, на Жуковскаго онъ надѣется, онъ „добръ, очень добръ, еслибы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ. Онъ отъ доброты же своей можетъ ихъ возненавидѣть, или полюбить челоуѣчество: первое обыкновенно чаще случается, но онъ, кажется, не вынесетъ продолжительнаго, безпрестаннаго отвращенія къ людямъ, это чувство можетъ задавить его — и для того, хотя онъ вѣчно будетъ обманываться въ людяхъ, онъ вѣчно будетъ любить ихъ“ ²⁾).

Урываясь отъ лекцій, Ал. Тургеневъ перечитываетъ Новую Элоизу. Прежнихъ ощущеній уже нѣтъ, но онъ болѣе вникаетъ въ смыслъ автора и находитъ по прежнему прекраснымъ восклицаніе Saint-Preux, „когда онъ узнаетъ, что и она любитъ его, что и она по сю пору только что скрывала свои чувства къ

Die Welt auf der Degenspitze ruht,
Wohl dem, der den Degen jetzt fuhr.
Drum, tapfern Krieger, fasset Muth,
Ihr zwinget das Glück und regieret,
Es steht keine Krone so sicher und hoch,
Der muthige Kämpfer erreicht sie doch.

1) Ibid. 18 февраля / 2 марта 1803.

2) Ibid. 20 июня / 2 июля 1803.

нему: *Permetts, permetts que je savoure le bonheur innattendu d'être aimé!... aimé de celle... trône die monde, combien je te vois au-dessous de moi...*" 1) „О Руссо, Руссо! ты еще никогда не былъ для меня то, что теперь“ 2); чтение Элоизы подслащиваетъ для него „горькія истины метафизики и нарушенныя права народовъ, о которыхъ съ утра до вечера твердятъ мнѣ“ 3).

12/24 августа еще Элоиза; Тургеневъ хочетъ познакомиться въ Парижѣ съ Des-Fontaines'омъ, который звалъ Руссо.

Слѣдующая страница подписана: *Quid tantum insano juvat indulgere dolori!* Онъ только что узналъ о кончинѣ брата.

Андрей царилъ въ его дневникѣ наравнѣ съ нею, являлись порой и мечты поѣхать съ нимъ путешествовать: они напомнили бы другъ другу „о времени, которое мы провели вмѣстѣ, о небольшихъ, но интересныхъ для насъ происшествіяхъ, которыя случались съ нами. Настоящее никогда не имѣетъ для насъ прелестнаго, всегда человѣкъ жалѣетъ о прошедшемъ; однакожь послѣдніе два года я чувствовалъ, что жилъ и наслаждался, я и въ настоящемъ чувствовалъ цѣну настоящаго, и мнѣ нельзя безъ горести и безъ глубокаго чувства вспоминать объ немъ“ 4). Отъ надежды на путешествіе пришлось отказаться: братъ писалъ ему изъ Вѣны (въ январѣ 1803 года), что его опредѣляютъ въ Петербургѣ въ канцелярію Воронцова 5) и что онъ долженъ выѣхать 2 февраля 6). Были письма брата съ дороги, послѣднее пришло 28 іюля, уже послѣ его смерти, о которой Александру писали отецъ и Жуковский, извѣстилъ Андр. Серг. Кайсаровъ.

Дневникъ прерывается почти на мѣсяць (съ 12/24 авг. по 7/19 сентября). „Кто мнѣ мѣшаетъ съ нимъ бесѣдовать, думать объ немъ, о плотскомъ человѣкѣ? А я бы желалъ обнять, прижать его! Братъ, братъ, милый братъ! Въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ столько духу, чтобъ написать имя твое. Боже мой! Подкрѣпи меня!“ 4). Слѣдующая, случайная помѣтка конца октября и послѣднія страницы дневника (съ 17/29 октября) полны тѣхъ же отчаянныхъ жалобъ, ожиданій чего-то еще болѣе ужаснаго,

1) Ibid. 6/18 іюля 1803 г.

2) Ibid. 10/22 августа 1803 г.

3) Ibid. 11/23 августа 1803 г.

4) Ibid. 25 декабря 1802 г. / 6 января 1803 г.

5) Ibid. 13/25 января 1803 г.

6) Ibid. 29 января / 10 февраля 1803 г.

страха за будущее. Что онъ будетъ дѣлать — безъ брата? Онъ подавленъ, исчезла любовь къ дѣятельности, разстроились всѣ жизненные планы. Запись 18/30 ноября кончается стихомъ:

Fate, drop the curtain, I can lose no more!

„Опять какое-то мрачное предчувствіе!....

Woes cluster, rare are solitary woes,
They love a train, they tread each other's heels“

(1/13 декабря 1803 г.). Его сердце дрожить, въ головѣ безпорядокъ, въ глазахъ темнѣеть; „братъ, ожидай меня! Скоро, скоро!“ (1 января нов. ст. 1804 г.).

Въ 1824 году Ал. Тургеневъ рассказывалъ князю Вяземскому, какъ, получивъ вѣсть о смерти брата, онъ пришелъ „въ отчаяніе и злобу на людей, имѣя тогда мало вѣры и много чувства“. Какъ разъ онъ прочелъ въ журналѣ Карамзина пьесу, „помнится, Прогулка по островамъ, въ которой онъ одного молодого человѣка заставляетъ говорить, что всякое нѣжное чувство, всякая сильная горестъ, которую мы почитаемъ вѣчною, не вѣчна въ нашемъ сердцѣ, что все утихаетъ со временемъ. Эта психологическая истина возмутила и меня противъ Карамзина. Я видѣлъ въ немъ изверга, который не рожденъ любить вѣчно, и вздумалъ мстить ему послѣ чѣмъ бы то ни было.... Смерть брата имѣла еще и другое важное дѣйствіе на мою душу: въ первый разъ я постигнулъ безсмертіе души и душою повѣрилъ ему. Безъ этой вѣры я точно бы не перенесъ жизни безъ него. Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище“¹⁾, гдѣ Андрей Ивановичъ былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ.

Въ записной тетради Ал. Тургенева сохранилось двустипіе, какъ эпитафія брату:

He was a pearl too pure on earth to dwell
And waste his splendour in this mortal shell²⁾.

1) Письмо къ князю Вяземскому 5 августа 1824 г.

2) Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 518; подъ двустипіемъ примѣчаніе: from the arabic W. Jones Works II, 250.

„Надгробіе И. П. и Андрею Ивановичу Тургеневымъ“ написано было Жуковскимъ лишь въ 1819 году ¹⁾.

Память Андрея Тургенева долго живетъ среди друзей,

1) Объ этой эпитафіи не разъ напоминалъ Жуковскому Ал. Тургеневъ въ письмахъ 1813—18 годовъ. Слѣдующее, еще не изданное, отъ 19 августа, относится, вѣроятно еще къ 1813 году: „Кому другому могу поручить я исполненіе столь священной для насъ обязанности? Вспомни о нихъ, представь себѣ живѣе того и другого, что они были для насъ и для другихъ, и самъ по себѣ личныя чувства свои. Я увѣренъ, что строки твои не переживутъ одной только дружбы нашей, ибо она перейдетъ съ нами въ невѣдомое тамъ. O, so vergänglich ist der Mensch, dass er auch da, wo er seines Daseins eigentliche Gewissheit hat, da, wo er den einzigen wahren Eindruck seiner Gegenwart macht, in dem Andenken, in der Seele seiner Liebe, dass er auch da verloschen, verschwinden muss, und das so bald! Неужели и наши сердца оправдаютъ Вертера? Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, сохранимъ память друзей нашихъ: они будутъ жить въ моей памяти для того, что я живу сими воспоминаніями. Если мнѣ случается дѣятельность свою обращать на пользу людей и особливо мною любимыхъ, то опять для того, чтобъ сохранить себя въ ихъ памяти; и, право, этогъ родъ эгоизма самый простительный, ибо только въ памяти людей любимыхъ мною желаю пережить себя. Къ холодности другихъ и я равнодушенъ и воспоминаніе ихъ не потревожитъ моего праха:

So, wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt fur alle Zeiten“.

Объ эпитафіи идетъ рѣчь въ письмѣ 25 ноября 1813 г.; она дала бы Тургеневу мысли для „монумента“ (13 февраля 1814 г.); „Не забудь объ эпитафіи, пусть она выльется изъ твоего сердца“ (27 августа 1814 г.). Въ письмѣ 23 октября (безъ даты, но 1817 г.: „канцлеръ благодарить за Вадима“) вмѣсто подписи стоятъ: „Эпитафія“. О ней идетъ дѣло и въ письмахъ 27 октября 1817 и 12 февраля 1818 гг. (отецъ и братъ еще безъ эпитафіи). 8 ноября 1814 г. Жуковский писалъ Тургеневу: „Я желалъ бы весь геній, какой во мнѣ есть, посадить въ одну надпись и боюсь не то написать, что хочется“. Надпись (обыкновенно печатавшаяся въ числѣ стихотвореній 1807 года: „Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ“) прислана была Тургеневу въ письмѣ 1 января 1819 года, и можно сказать, что Жуковскому не удалось вложить въ нее своего генія.—Въ V-й книжкѣ Новостей Литературы за 1823 г., стр. 29—30, Воейковъ помѣстилъ „Невское кладбище“, эпизодъ изъ IV-й пѣсни поэмы „Искусства и науки“, съ посвященіемъ Ал. И. Тургеневу:

Что сердце сладко такъ забилось? Чей гранить
Мнѣ объ утраченныхъ столь сильно говорить?
Повѣяло душѣ веселой стариною,
Мечтами пылкими, надеждой молодою.
О братья! о друзья! здѣсь нашъ отецъ и братъ,
Цвѣтущій юноша и старецъ въ гробѣ спятъ.

какъ нѣчто завѣтное, оживляющее. Цитуютъ стихи его Элегіи¹⁾, вспоминаютъ его эпиграмму („О какъ священная религія страдаетъ“)²⁾. „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ, пишетъ Ал. Тургеневъ брату Николаю:

Зри духомъ въ вѣчность. Что твой взоръ встрѣчаетъ?
Тамъ лучшій міръ, тамъ Богъ! Страдалецъ, улыбнись!

Это сказала братъ нашъ Андрей для насъ съ тобою“³⁾. На Брюлловскомъ портретѣ Ал. Тургенева онъ невидимо окруженъ своими братьями: на столѣ, на который онъ облокотился, лежитъ книга съ надписью на корешкѣ: „О налогахъ“ (Николая Тургенева), подъ нею два листа съ надписями: „Къ отечеству“ и „Элегія“ (Андрея Тургенева). 10 февраля 1837 года, только что вернувшись съ похоронъ Пушкина, Ал. Тургеневъ пишетъ П. А. Осиповой: „не забудьте того, который унесетъ съ собою искреннюю къ вамъ привязанность далеко, далеко, и только въ воспоминаніяхъ будетъ искать утѣшенія въ разлукѣ съ отечествомъ, помня слова другого Тургенева: И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“ (изъ Элегіи Андрея Тургенева). Онъ посылаетъ Осиповой литографію своего портрета съ объясненіемъ надписей на немъ; между прочимъ: „Элегія написана братомъ Андреемъ, первымъ другомъ Жуковского, открывшимъ въ немъ гений и сердце его. „Къ отечеству“— его стихи, кои нѣсколько лѣтъ по кончинѣ читаны были въ Таврическомъ дворцѣ въ

1) Жуковский къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 года: обѣтованный край, „гдѣ (по выраженію Андрея Тургенева) вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ, гдѣ царство вѣчное одной любви святой“. Сл. выше стр. 66 цитату въ Дневникѣ Ал. Тургенева.

2) Ал. Тургеневъ къ кн. Вяземскому, 15 сентября 1820 г. Остафьевскій Архивъ, т. II, прим. на стр. 419. Въ письмахъ Андрея Тургенева къ Жуковскому сохранился и второй стихъ этой эпиграммы:

О, какъ священная религія страдаетъ!
Вольтеръ ее бранить, Кутузовъ защищаетъ....

3) Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю, Женева 13 октября 1827 г., утро. Въ письмахъ Андрея Тургенева сохранилось стихотвореніе, откуда взяты эти строки (Надежда кроткими лучами освѣщаетъ); безъ имени автора и съ заглавіемъ „Утѣшеніе“ оно напечатано въ „Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени“ 1798 г., ч. 19, стр. 160.

собраніи дворянства, когда Россія воспламенялась и ополчалась противъ Наполеона“¹⁾).

Легко представить себѣ, какъ по Андреѣ гореваль Жуковскій; долгое время онъ не можетъ успокоиться. Въ его бумагахъ нашлись стихи на смерть Андрея Ивановича Тургенева (1803); въ рукописяхъ есть и другое заглавіе: „На смерть незабвеннаго человѣка“. Онъ не назначалъ ихъ для печати, пишетъ онъ отцу покойнаго (11 августа 1803 г.), „они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня“ — и онъ предлагаетъ всегда посвящать день смерти Андрея какому-нибудь обряду, „который бы напоминалъ намъ любезнѣйшаго человѣка и, вмѣстѣ, соединялъ насъ всѣхъ чувствами и во время разлуки нашей. 8-го іюля всѣ мы, гдѣ бы мы ни были, будемъ думать объ немъ и дѣлать одно. Эта его мысль. Онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ предлагалъ членамъ Собранія назначить день, который бы всѣмъ посвящать воспоминанію о Собраніи“²⁾).

Жуковскій хочетъ издать письма Андрея, пріобщивъ къ нимъ „краткую исторію жизни его: пускай всѣ знаютъ, кто онъ былъ и что онъ былъ для тѣхъ, которые были съ нимъ связаны тѣсными узами“ (то-же письмо). Эти письма онъ возилъ съ собою, перечитываетъ ихъ въ Бѣлевѣ³⁾ и позже⁴⁾; интересуется журналомъ Андрея, проситъ прислать его⁵⁾. Въ посланіи къ Батюшкову (май, 1812 г.) еще звучитъ неостывшее отъ времени чувство, въ посланіи къ Ал. Ив. Тургеневу — воспоминаніе о той порѣ, когда они „святой союзъ любви торжествовали“;

1) Портретъ Ал. Ив. Тургенева въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Ак. Наукъ, Спб., 1899 г., л. 28. Письмо Ал. Тургенева къ Осиповой (съ объясненіемъ девиза Тургеньевыхъ, см. выше, стр. 87, прим. 1) у Модзалевскаго, Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г., стр. 53 слѣд. „Къ Отечеству“ было издано въ Спб. въ 1806 г. и перепечатано въ Славянѣ 1830 г., ч. 13, стр. 364—5. Жуковскій хлопоталъ, чтобы стихотвореніе это положено было на музыку.

2) См. выше стр. 63—4.

3) Къ Ал. Тургеневу 11 іюля 1810 г.

4) Къ Воейкову, сентябрь 1813 г. Въ 1814 году Ал. Тургеневъ перечитывалъ доставшіяся ему „наконецъ остальные бумаги Андрея, письма и записочки къ Андрею Кайсарову 1799-го и слѣдующихъ годовъ. Сладкія и горестныя минуты!“ (неизд.).

5) Къ Ал. Тургеневу конца декабря или начала января 1808 и 15 сентября 1809 г.

въ 1844 году онъ поминаетъ „тѣ горницы Московскаго Университета, гдѣ мы собирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ“ ¹⁾). Въ примѣчаніяхъ, которыми въ 1848 г. Жуковский снабдилъ свое посланіе къ Ал. И. Тургеневу, онъ характеризуетъ Андрея, его ясный умъ, сердце, исполненное любви къ прекрасному, быстрый взоръ, казалось, читавшій въ каждомъ сердцѣ, доброжелательную душу, привлекательную остроту разговора, не оскорблявшую самолюбія, соединенную съ нѣжностью сердечной. Онъ всѣхъ соединялъ дружбой, былъ душою всѣхъ радостей. „Жизнь его можно назвать прекрасною, неисполнившеюся надеждой: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но все это безслѣдно погубило для цѣлаго свѣта“.

Въ своей Элегіи Андрей Тургеневъ звалъ на могилу милого дѣвушку, сраженную судьбой:

Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты,
 Проснулась — и ужъ нѣтъ плѣнительной мечты!
 Напрасно вслѣдъ за ней душа твоя стремится,
 Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать!
 Ахъ! тотъ, кого-бъ еще хотѣла ты прижать
 Къ изсохшей груди — плачь! — ужъ онъ не возвратится
 Во вѣкъ.

Остается раздѣлить съ осеннею природою грусть сердца своего, потому что „одинъ увядшій листъ несчастному милѣе, чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты“, ихъ печальные слѣды разбудятъ воспоминаніе,

И тѣнь священная, и образъ вѣчно милый
 Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой,
 Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его,
 Какъ нѣжная рука тебя образовала
 И прелестью добра тебя къ добру влекла.

Таково могло быть настроеніе Екатерины Михайловны.

„Соковнинныхъ здѣсь нѣтъ, потому письмо тебѣ возвращается, писалъ Мерзляковъ Жуковскому 24 августа 1803 г. Не можешь-ли ты написать въ деревню? Надобно побережь *бѣдную*“.

1) Къ тому-же, октябрь 1844 г.

Осенью того же года: „Что думаетъ и чувствуетъ Катерина Михайловна? Боже мой! Для чего намъ досталось пережить это прекрасное время, когда имъ всѣ радовались вмѣстѣ съ нами! Минута — и все для насъ знакомое, все для насъ пріятное, все въ намъ близкое покрылось печальною тьмою. Его не стало“.

Къ декабрю 1803 года относится слѣдующее стихотвореніе Жуковскаго „Къ К(атеринѣ) М(ихайловнѣ) С(оковниной):

Протекшихъ радостей уже не возвратить,
 Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
 Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
 Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
 И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
 Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
 Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
 Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
 Незримая рука, простертая надъ нами,
 Ведетъ насъ къ одному различными путями!
 Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
 Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
 Но рано-ль, поздно-ли, мы радостно вздохнемъ:
 Надеждой не вотще насъ небо одарило.

Екатерина Михайловна скончалась въ дѣвушкахъ ¹⁾. Сохранилась записка Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, безъ даты, но написанная почеркомъ его раннихъ лѣтъ. „Сообщаю тебѣ извѣстіе, которое для тебя такъ же горестно будетъ, какъ и для меня: Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ. Веселись, братъ; нашъ кругъ часъ отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ, а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизнью. По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться. Что изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше“ ²⁾.

Когда Жуковскій задумалъ поставить памятникъ своему другу, Мерзляковъ писалъ ему (24 августа 1803 г.); „на что намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно живому духу нашего друга. Памятникъ этотъ долженъ

1) Въ неизданныхъ письмахъ Ал. Тургенева къ Жуковскому 4 декабря 1808 г. и 5 января 1809 г. Тургеневъ посылаетъ ей поклонъ.

2) Письма В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу № СХС.

быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи, что онъ будетъ стоять и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно проще; надобно, чтобъ онъ былъ даже не мраченъ, чтобъ онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобъ мы иногда съ нимъ такъ-же весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ“ 1).

Жуковскій поставилъ другу свой памятникъ — въ посвященіи „Вадима Новгородскаго“, повѣсти, явившейся въ годъ смерти Андрея Тургенева, но неоконченной. Авторъ воображаетъ себя въ безмолвныхъ дубравахъ и тихихъ долинахъ, обители меланхоліи, на лонѣ природы, въ хижинѣ, „жилищѣ, спокойствія и свободы“, которое посѣтитъ „добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели“ — и найдетъ счастье. „Божество сердець непорочныхъ, уединеніе“, осѣнитъ поэта своими „кипарисами“, „задумчивый“ мракъ погрузитъ его въ меланхолію, „радостный образъ мирнаго счастья плѣнитъ“ его „своимъ призракомъ, и пепель протекшихъ радостей оживитъ его слезами сладкими, посвященными воспоминанію“. „О ты, незабвенный! обращается поэтъ къ умершему; гдѣ ты?“ „Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную“, и теперь душа стремится къ „невозвратному, навсегда улетѣвшему счастью“. „Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовью чистѣйшею, мучилось моими страданіями, восхищалось моимъ блаженствомъ?“ Другу онъ посвящаетъ звуки своей лиры, служащей лишь свободѣ и добродѣтели; при этомъ соотвѣтствующій пейзажъ: „Тихій мѣсяць таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно. Задумавшись, опирается муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ“.

1) Въ 1805 году Жуковскій послалъ Ал. Тургеневу урну для памятника брату. „Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставить ее на столбъ, который надобно сдѣлать гранитный, потому что такой крѣпче“. Онъ приписалъ и рисунокъ; „желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло собственное пмя, то-есть имя тѣхъ людей, которые больше были къ нему привязаны. Разумѣется, что первые два должны быть посвящены батюшкѣ и Ивану Владимировичу“ (Лопухину). Письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу 31 августа 1805 г.

Это цѣлый гимнъ идеальной дружбѣ — въ стилѣ Карамзинскаго „Цвѣтка на гробъ моего Агатона (1793 г.)“.

Когда Жуковскій писалъ это, онъ едва ли зналъ романтиковъ; тѣмъ интереснѣе сличить его лирическую манеру, съ „сновидѣніемъ“, которое Тикъ посвятилъ памяти своего друга ¹⁾. Ваккенродеръ открылъ его скептической мысли источники идеализма, цѣну чувства, его тревожной фантазиі міръ новыхъ, покоящихся образовъ — и самъ прислонился къ нему, какъ къ болѣе сильному; его письма къ Тику — письма влюбленной дѣвушки. Когда въ 1796 году 25-лѣтній Ваккенродеръ скончался, Тикъ помянулъ того, кому онъ былъ обязанъ свѣтлыми откровеніями поэзіи среди обуявшихъ его мрачныхъ видѣній и жѣсткаго хохота. Поэту представляется, что они вдвоемъ идутъ по сумрачной, окруженной утесами долиноѣ; онъ обнялъ друга, склонилъ къ нему голову и плачетъ; кругомъ ни слѣда жизни, ни звѣздочки. „Я поведу тебя, дорогой мой, говорить ему другъ, перестань печалиться, заключимъ союзъ: будь мракъ еще мрачнѣе, онъ просіяетъ, когда мы обнимемся по братски. — И они силились встрѣтиться взоромъ, подарить другъ друга милымъ взглядомъ, чтобы такимъ образомъ подавить удрученіе духа; но во мракѣ все нѣтъ просвѣта, — и, обнявшись, мы готовы были отдаться на волю вражьихъ силъ“. Вдругъ у ихъ ногъ важглась звѣздочка и обратилась въ чудесный цвѣтокъ, ихъ тянетъ къ нему невѣдомая сила, въ немъ ихъ утѣха, ихъ радость: забыты сѣтованія и вновь забилась бодрая любовь къ жизни. Имъ хотѣлось бы сорвать цвѣтокъ, они взапуски уступаютъ его одинъ другому, но послышалась неслыханная мелодія — точно пѣніе звѣздъ: она задрожала въ ихъ груди, какъ страстное желаніе, каждый звукъ былъ дружескимъ привѣтомъ; послышался и запретъ: не срывать цвѣтка. Друзья стоятъ передъ нимъ въ любви и страхѣ, они въ святилищѣ. „Прежняя любовь казалась намъ грубой и дикой, теперь мы гордились тѣмъ, что любимъ, не похищая, и старое чувство возникло въ новой красѣ. Одиночество наполнилось для насъ жизнью, насъ влекло къ цвѣтку, душу очистило радостное волненіе, точно въ ней сновали какіе-то духи; мы ощутили неизгъяснимый порывъ

1) Der Traum въ концѣ Phantasien über die Kunst II; см. еще четыре сонета на смерть Ваккенродера въ Poetisches Journal, 2-es Stück, стр. 475 слѣд.

ко всему благородному, прекрасному; блаженство поселилось въ сердце и мы вняли звукамъ травъ, деревьевъ и скалъ. Благо мнѣ, что высшее наслажденіе досталось мнѣ съ тобою! говоритъ другъ, — а самъ онъ будто возродился, лицо его сіяетъ; казалось, онъ предъизбранъ былъ для блаженства — и не нашелъ обратнаго пути въ старый міръ; въ восторженномъ опьяненіи онъ какъ бы прозрѣвалъ далекія, прелестныя поляны“. Между тѣмъ видѣніе измѣнилось: лепестки цвѣтка зазвучали, лучи и искры вылетали изъ его чашечки, и самъ онъ выросъ въ высокое дерево, изъ зеленой чащи котораго юношескіе лики стали метать въ друзей стрѣлы; но эти стрѣлы — звуки, на нихъ откликается воздухъ, лѣсъ и поле; друга тянетъ къ ихъ „сладостно-мелодическимъ волнамъ“, онъ подставляетъ имъ грудь, и духи радуются, хотятъ привлечь его, дѣятельнѣе устремить къ цѣли, утолить печали.

Сонъ кончается явленіемъ призраковъ Гомера, Рафаэля Шекспира; все кругомъ въ волшебномъ освѣщеніи, все звучитъ, поля одѣваются цвѣтами, слышится пѣніе призрачнаго сонма: Мы принесли вамъ блаженство, но пусть же никогда не отлучится отъ насъ ваша любовь.— Поэтъ проснулся, но друга нѣтъ, того, съ кѣмъ онъ смолода дѣлилъ радость и горе. „Останься со мной, будемъ вмѣстѣ странствовать по священной области дорогаго искусства; безъ тебя у меня не хватитъ мужества ни жить, ни творить“.

Передъ нами обрацикъ ранняго романтическаго стиля: богатство фантасмогоріи, контрасты свѣта и тѣни, метаморфозы свѣта и звука, поющія звѣзды, стрѣлы-звуки и мелодическія волны. Жуковскій никогда не дойдетъ до подобныхъ, нерѣдко вычурныхъ попытокъ выразить „невыразимое“; пока онъ сентименталистъ чистой воды, не вышелъ изъ чувствительной рефлексіи и позируетъ по оссіановски.